

ВАЛЕРИЙ УКОЛОВ

Транссибирское Дао

Валерий Уколов
Транссибирское Дао

«Автор»

Уколов В. А.

Транссибирское Дао / В. А. Уколов — «Автор»,

Тема пути от окраины до края. Комизм юродствующего абсурда, вскрывающий странные, чудаковато-дикие отношения человека с человеком и с окружающим миром. Абсурдность и трагизм ситуаций, в которые попадают герои, на деле есть проявление их внутреннего естества на фоне сюрреалистического бытия. Этим героям зачастую мучительно трудно жить в этом мире, особенности которого они сами же и порождают, и без которого уже не могут и не хотят быть. Сдаётся, они не верят в этот мир, и мир им не доверяет. Неприкаянным «бродячим душам России», кажется, так и суждено будет бесконечно скитаться в попытке вернуться домой. В книге присутствует нецензурная брань!

© Уколов В. А.

© Автор

Содержание

Опт опыта	5
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Валерий Уколов

Транссибирское Дао

Опт опыта

Геродот описывал ту часть Земли, где случались мои странствия, но лишь часть, ибо, по его собственному признанию, «в области, лежащей ещё дальше к северу от земли скифов, как передают, нельзя ничего видеть и туда невозможно проникнуть из-за летающих перьев».

Если бы Геродот пробрался дальше, то он увидел бы, что область та простирается ещё и на запад, и очень далеко на восток. Впрочем, во времена Геродота она была другой.

С давних пор человек, попадающий сюда, никак не может сравниться с завсегдаем какого-либо кафе, где тот не читает меню, а говорит официанту: «Как всегда», и официант всё знает наперёд. Здесь же порядок вещей можно сравнить с рестораном, где утром потребляют мясо, в обед – кислую капусту, а вечером, не дождавшись заказанного ужина, бьют посуду и вешают поваров. Область эта находится в осаде каких-то цивилизаций, но не всегда видно – каких, ибо, если вспомнить того же Геродота, «земля и воздух там полны перьев, а это-то и мешает зрению».

Как сказал мне один соотечественник: «То ангел в бессилии бесится».

Это верно, область та часто без ангела обходится.

Когда-то я появился в этой области и ступил на её землю так, как будто сошёл с корабля, который никогда никуда не уплывал, и корабль сжёг, даже не задумываясь – зачем. Так делают многие, кто появляется в этой области, и идут дальше.

Вот пыльная дорога. Вдруг дрогнула дорога. Кто это в пыли несётся? Это же тройка необгонимая!

– Эй, куда несёшься?

– В даль пропадающую, – вот он и ответ. – Что стоишь, прыгай!

Ну, понеслись! Несёмся – воздух сверлим. Вцепился возница в вожжи. Кнутом так и сыпет, хотя и незачем. Котомка на его боку так и скачет, так и бьёт его по бёдрам. А снять нельзя: в котомке кнопка ядерная, и сами ракеты на ухабах подпрыгивают, бьются друг о друга, вылететь норовят. Непокрыты они ничем и не привязаны – это чтоб видели и расступались. А я обнял одну из них и – божьим чудом – не выпадаю.

Эх, кони, что за кони. Гудит земля. И ещё гул ей вторит: вдоль дороги провода тянутся. Да нет, это струны натянуты, и по ним рок-н-ролл с запада молнией разносится, гремит, разрывая в куски воздух, и тот ветром становится, с чудным звоном колокольчика сплетается. Копыта ритм чеканят. Так и бьют, так и бьют. Ох, и несут кони! На повороте как крутанут, так и вылетел я на обочину.

Гул затих. Я весь на перекрёстке. Жертва солнца и пыли. Дети в одинаковых нарядах склоняют головы.

– Дядя, вы живы?

– Жив. А вы кто?

– Мы новые пионеры.

– Вроде прежних скаутов?

– Да, вроде них.

– Где я, дети?

– У посёлка Пржевальск.

– А почему такое название?

– Кто как говорит. Некоторые утверждают, что здесь Пржевальский останавливался перед тем, как лошадь свою открыл, а другие говорят, что уже после. Но это гипотезы. У нас, кстати, историко-патриотический кружок есть. Приходите, если интересно.

Я машинально шёл за пионерами. Мы вошли в школу. На стенах висели стенды с выдержками из жизнеописания влиятельных людей и рекламной сказкой, где рыцарь Дирол с оруженосцем Ксилитом сражались с князем Кариесом за принцессу Эмалию. Я медленно двигался по коридору, изучая стенды и подходя к стеклянной двери одного из классов, где шли занятия.

– Правда, здорово? – спросила за моей спиной полная женщина с журналами.

– Что именно?

– Ну, вот это всё – новизна и прозрачность, то, что вы видите сейчас, и то, что вы не могли видеть в эпоху прежнюю того ещё идеологического нажима.

– Да, это лучше, чем при прежнем нажиме.

– Вы, наверное, интересуетесь нашей новой методикой преподавания?

– Да, мне о ней говорили, – соврал я.

– Я завуч по воспитательной идеологии, – представилась полная женщина с журналами.

– Мы уделяем большое внимание патриотическому состоянию учеников. Разумеется, патриотизм тоже обновлённый. История, как всегда, непременно в свете новейшем. Религия и философия – также. Хотя с религией есть трудности: мы светская школа, и вынуждены подавать религию не в чистом виде, а совмещать, ну, например, с историей, обществоведением, географией, естествознанием, литературой, изобразительным искусством, риторикой, правоведением, с той же философией, краеведением, физической культурой и пением.

Я спросил завуча:

– Как у вас относятся к атеистам?

– Мне кажется, после увиденного, вы должны понимать, что атеистов в нашей школе нет. Но если он вдруг появится, то мы будем относиться к нему терпимо. Я не сказала – с пониманием. Я сказала – терпимо. Европейский стандарт, знаете ли.

Она улыбнулась, и её улыбке подсветил золотой крестик с изящным бриллиантом на перекрестии.

В книжном ларьке школы я купил библию со страницами «Для заметок».

– Вы ещё здесь? Все уже в клубе. Поторопитесь, – быстрошагающий мужчина указал взглядом на здание времён псевдоклассицизма.

Я замешкался, соображая, что там может быть. Впрочем, какая разница.

Оказалось, один из жителей посёлка недавно вернулся из турне по Европе и делился впечатлениями. Образовался стихийный сход. Докладчик в американской бейсболке взобрался на стул, сплёвывая русский заменитель жевательной резинки – прожаренные семена подсолнечника. Из обступившей его толпы задали вопрос:

– Правда, что там лучше живут?

– Лучше, – ответил путешественник.

– А почему?

– Там не воруют.

– Как не воруют?

– Да вот как у нас.

– Что, совсем?

– По крайней мере, я не видел.

– Не может быть. Там, что – другие люди?

– Ну, другие не другие, а не воруют, как мы.

– Ты нас против них не настраивай! Мы, как люди, не хуже их, а то и душевнее!

– Да! – понеслось со всех сторон. – Не то поёшь!

– Ну ладно, – турист пошёл на попятную. – Воруют, но немножко, так, что и незаметно.

– Как это незаметно? – удивилась толпа. – У нас заметно, а у них нет? Да что мы, хуже что ли? Ты что несёшь!

– Ну ладно, ладно, – испугался турист. – Это я приукрасил. Воруют там, я сам видел.

– Так бы и начинал, – загудели вокруг. – А то – не воруют, да не воруют. И что, сильно воруют?

– Сильно воруют! – вдруг заорал путешественник. – По чёрному воруют!

Толпа взревела. Затопали ногами. Обнявшись, стали раскачиваться из стороны в сторону. Многие вращали над головой зажжёнными зажигалками и мобилами.

– Они воруют! – орал докладчик. Толпа бесновалась.

– Все воруют! – клуб содрогнулся. Я поспешил прочь.

Выходя заметил, что рядом со входом в клуб всего одна колонна. Я поразился такому гиперпсевдоклассицизму. Их должно быть, как минимум, две. Я обошёл клуб вокруг, но других колонн не было. Почему это меня взволновало? Просто их должно быть больше, – объяснял я себе, удаляясь от сотрясающегося здания с единственной колонной.

Неподалёку в парке стояли стойка бара и несколько столиков, образуя подобие кафе-пивной. Над стойкой висел большой телевизор с последними новостями. Миловидная волоокая диктор перебирала события, утверждая своим тоном закономерность происходящего. Я остановился послушать.

Последней новостью было убийство Авеля. Следователь склонялся к бытовой версии происходящего, но не исключал и заказной характер. Адвокат подозреваемого (им оказался некто Каин, фермер по роду занятий) упирал на состояние аффекта подзащитного. Сам Каин сидел в наручниках в машине. Кончили тем, что следствие ведётся. Диктор сообщала о других новостях, а из-за барной стойки встал плотный бритоголовый человек. Он закуривал сигарету, поднося к лицу инкрустированную гранатом золотую зажигалку пальцами с золотыми печатками, обрамлёнными рубинами. Это был Каин. В его красных зрачках тут же прочиталось: «Выпущен под залог». На его майке был изображён похожий на него человек, протягивающий к небесам в ладонях золотистую пшеницу на фоне синего-синего неба. Каин уходил. В телевизоре продолжались новости. Диктор возвращалась к сюжету об убийстве Авеля. После предварительного расследования выяснялось, что Каин убил Авеля в целях самообороны, когда между ними возникла ссора. Абель требовал свою долю в деле, к которому, по словам Каина, он не имел никакого отношения. На экране предлагалась компьютерная версия случившегося: среди компьютерного пшеничного поля компьютерный красный человечек Абель нападает с заточкой в руке на компьютерного зелёного человечка Каина. Человечек Каин перехватывает руку с заточкой человечка Авеля, чьё тело по инерции натывается на собственную руку с заточкой. Человечек Абель падает. Вокруг него поднимается компьютерная пыль и образуется компьютерная лужа крови. Человечек Каин достаёт мобильный телефон, вызывает «скорую» и сообщает о случившемся властям. Далее погода.

Смеркалось. Из клуба повалил народ, заполняя просторы. Я вышел за посёлок. Столбовая дорога стремилась чуть заметным накатом вниз. Я встал на неё и почувствовал, что она понеслась подо мной. Я стоял, а она всё быстрее и быстрее неслась под моими ногами. Я не заметил, как надвинулись сосны. Только небо над головою, да лёгкие тучи, да сияющий месяц сквозь них кажутся неподвижными. Но нет, то не месяц сияет. Это с неба тройка, запряжённая конями крылатыми, несётся. Фонарями тьму разрывает. Подлетает ко мне. Возница чуть попридержал:

– Давай, садись! Едешь али нет?

Что ответить? Нет ответа. Прыгнул в бричку, понеслись. Гул стоит, да в очках рябит. Гул тот сильнее сделался. Это тройка в самолёт реактивный превращается. Возница в кабине, а я на крыле остался. Кричу, да гул всё глушит. Вонзились в высь да на полсвета разметнулись. Тут не понравилось что-то вознице внизу, да как пошли ракеты – одна, вторая, пятая. Внизу вспышки, сверху звёзды. Красота! Затем в штопор ввернулись. Ох, худо мне. А вознице всё нипочём. Да знать, налетался: на посадку идёт, на столбовую дорогу сесть хочет. Касаются шасси ухабов. На пригорке как труханёт, так и слетел я в ракитник.

Гул затих. Я лежал лицом на восток и ожидал рассвета. В этом небе нет ничего светлее рассвета.

Дети в одинаковых нарядах вытаскивают меня из кустов.

– Хорошо, что вы живы, – по-детски радуются они. – Мы хотим познакомить вас с бабой Машей. Она старая, но ещё многое помнит.

Я пошёл с ними, приходя в себя по дороге.

Пионеры привели меня на окраину посёлка ко двору с рубленой избой. По огороду ходила согбенная старуха в ветхом халате и пропалывала грядки.

Я посмотрел на пионеров, пытаюсь понять, что всё это значит. Но их лица не выражали никакого лукавства, лишь неподдельный интерес.

– Вот она, – показали пионеры. – Бабуля, с вами хотят поговорить.

Признаться, я не хотел говорить. Но старушка подошла.

– Бог в помощь, – начал я.

– Да спасибо, сынок, этим только и живы.

– Вы одна? А где ж старик?

– А на кой он. Что ему, мужику-то – лишь бы тудыть его так да и на бок.

Я покосился на ребят: вроде никакой реакции.

– Пропал мой Иосиф, – помолчав, продолжала старуха. – Сгинул, уже и не помню когда. Он плотником работал. Как-то к нему пришли заказ давать – крест большой сделать. Он взялся, сделал, а потом на нём сына распяли. После того как его убили, муж мой совсем спился. Ушёл ночью и сгинул. Говорили, под колесницу римскую попал. Вот так и живу, доживаю. Да хотя бы пенсию подняли, ироды. Ну да ступайте с богом, полоть пора.

Бабуля поковыляла к грядкам. Проходившая мимо почтальон сунула газету в грубо сколоченный ящик. Газета влезла наполовину, и было видно заглавие одной из статей: «У каждого народа должна быть своя мать». Рядом помещался рисованный лик Христа, смахивающий на портрет славянского парня. Ребята обступили меня, молча наблюдая. Один из пионеров сказал:

– Расскажите нам что-нибудь поучительное.

– Да, да, – подхватили остальные, – случай из жизни!

Что мне оставалось?

– Ну что ж, слушайте. Вот моя история. Как-то мне представилось выбраться в область по делам службы. В салоне автобуса я расположился рядом с дремлющим у окна мужчиной лет шестидесяти и принялся читать газету. Но, не прочтя и строки, почувствовал, как дремавший мужчина грузно свалился на меня. Невнятно извинившись, он откинулся в кресло и закрыл глаза. Я собрался вздремнуть, но сосед вновь уткнулся в моё плечо, и мне самому пришлось возвращать его обратно, поскольку тот не просыпался. Последующие полчаса были сущей мукой: сосед падал так часто, что я не успевал его отталкивать. Потеряв терпение, я привязал мучителя за шею оконной занавеской и в сердцах решил придушить его, если ещё раз упадёт. Через минуту он рухнул вместе с занавеской. Выйдя из себя окончательно, я уже намеревался вытолкнуть донимателя в проход, как вдруг с ужасом обнаружил, что его тело бездыханно. Дав показания в промежуточном пункте, я вернулся в салон и ждал отправления. Оно задерживалось. Вдруг в автобус вошли врачи и мой скончавшийся спутник. Я отказывался

верить. Врачи бережно подвели его к месту подле меня и аккуратно опустили в кресло. Лицо его походило на восковое.

– Он что, не умер?

– Он и не умирал, просто впал в кратковременный летаргический сон.

– Какой сон! – недоумевал я. – Он же был холодный.

– Может быть, но сейчас иначе, – резонно возразил врач. – Состояние пациента в норме, и мы не вправе его задерживать.

Автобус тронулся. Я увлёкся газетой.

– Ну и как вам статья?

Я вздрогнул: воскресший сосед интересовался моим мнением.

– Интересная статья. А что, вы уже совсем проснулись?

– Со мной случается. Не обращайтесь внимания.

На автостанции я спросил моего спутника о гостинице или общежитии. Бывший сосед оказался местным жителем и сообщил, что общежития нет, а гостиница сгорела.

– Но не отчаивайтесь. Переночевать можно у меня.

Куда деваться – я согласился.

Мы сели ужинать.

– Меня зовут Аввакум Силантьевич, – представился он. – Мне надоела вся эта газетная писанина. Руются в дерьме, а оно давно уже навоз. Я не испортил вам аппетит?

– Ничего, всё нормально.

– Вы верите газетам? – спросил хозяин.

– Ну, если там есть факты, архивные документы. А вы?

– Я верю только действительности.

– Понимаю. Вам, может, уже не удастся увидеть обновлённое общество, но, я думаю, оно будет.

– Я не знаю, будет оно обновлённым или нет, но общество будущего я увижу точно. Объясню, если хотите. Я появился на свет в 1885 году. Не удивляйтесь. Послушайте дальше. Родился здесь, в станице Мёрзловской. Мой батя, Силантий Спиридонович, был старовером и меня назвал в честь протопопа Аввакума. Когда мне исполнилось десять лет, я неожиданно уснул посреди бела дня в поле, где работал с отцом, и проспал два года. Ни один лекарь не мог разбудить. А проснулся сам. Через год опять повторилось, уснул на неделю. А в девятьсот втором заснул надолго и проснулся в девятьсот шестнадцатом – в петроградском госпитале. Оказалось, шесть лет назад дом наш сгорел, и в нём – родители. Но перед тем в станицу заехал профессор и забрал меня в Питер для обследования. Когда обследовался, вернулся сюда. Мне в ту пору тридцать один был, а всё как двадцатилетний выглядел и не старел после сна, как с другими бывает. Через дом девка одна жила – заводная, вёрткая. Анфисой звали. Приглянулся я ей, а может, моя необычность приманила. Пошли мы с ней летом шестнадцатого в рощу к реке. И овладела мной страсть нестерпимая. Не могу сдержаться. И она, чую, не против. Легли мы на траву, обнял я её, а она – девка в теле была, и всё вроде гладко шло, как вдруг, на тебе – снова уснул, да так быстро, что и не вспомню. Очнулся после Октябрьской. И тут сотряслось во мне что-то. Решил: хватит спать. Пора большим делом заняться. Я принял революцию сразу. В боях не участвовал, но агитацией занимался вовсю. В восемнадцатом году возглавил в станице движение «Воинствующих безбожников». Иконы изымали и жгли. И так до коллективизации. Перед ней заснул и проспал её начисто. В станице знали эту мою особенность и решили схоронить во время сна, будто мёртвого. Невзлюбили за такой атеизм. Наверно, и схоронили б, не загляни в станицу доктор. Узнал он как-то о моём феномене и увёз в Ленинград. Когда проснулся, устроился в «Пролеткультпросветсоюз» по части атеистической пропаганды. В конце июня сорок первого при бомбёжке рядом со мной бомба рванула, но я чудом уцелел, только сразу же заснул. Подобрали, посчитав за контуженного. Но я долго

не приходил в себя, и меня вывезли по «дороге жизни» из блокадного города. Проснулся после смерти Сталина и опять пошёл в пропаганду атеизма. За этим занятием и Хрущёва и Брежнева пережил. А как только Брежнев умер, сразу за ним уснул и я. Проснулся в восемьдесят шестом. Слышу: «перестройка» да «гласность». Еле разобрался. Долго наблюдал за всеми этими переоценками ценностей, присматривался. Затем отцов церкви изучил. Покрестился. Стал людей за бога агитировать. Но жизнь теперь жёсткая и быстротечная. Чувствую, приелось всё. Чувство-то во мне сильное, как инстинкт самосохранения. Оно всегда заставляет жить так, как живётся сегодня. Ведь я есть часть любой эпохи переоценки ценностей. А мои изменения и есть моё постоянство, и в нём я создал своё царствие божие. Там нет никакой идеи, и поэтому оно идеально. Так что мне и умирать не за что.

– Значит, активной деятельностью не занимаетесь?

– А мне это ни к чему. В каждую минуту заснуть могу. Начну что-нибудь – засну, а когда проснусь, окажется, что не то и не так начинал. Да ещё так может случиться: усну где-нибудь в безлюдном месте, а собаки и вороньё по частям растащат. Сосед у меня есть – Михалыч. Так тот противоположность мне. Он после контузии с самой войны совсем не спит. Сторожит неподалёку каждую ночь. Заходит ко мне по стаканчику пропустить. Я с ним потому и связался, что боюсь один во сне остаться. Прошу его почаще заглядывать. Ставлю бутылку в прихожей, где ключ он – знает. Если усну – присмотрит. Так что мне нельзя наперёд загадывать. Буду жить как жил, спать как спал, а там, глядишь, и обновлённое общество появится.

Утром я попрощался с хозяином и пошёл к председателю правления. В правлении мне сообщили, что председатель сгорел в гостинице с любовницей. Можно было уезжать.

По дороге к автостанции мне пришла в голову мысль, что к жизни можно относиться как к чему-то одолженному тебе во временное пользование, но не каждый находит, куда бы её употребить, и обращается с ней, словно с вещью, просто сданной ему на хранение, и в этом-то и обнаруживает свой единственный смысл. Вот и всё, ребята.

– Классный рассказ! – зашумели пионеры.

– А Аввакум Силантьевич ваш – хамелеон!

– И в конце вы здорово философию вернули. А у нас тоже философ есть. Он наш кружок историко-патриотический ведёт. Можем познакомить.

Философ налил водки. Пионеры ушли. Мы выпили не закусывая.

– Я патриот, – начал философ. – И, как всякий патриот, я должен думать, с чего начинается Родина. Она начинается с русской идеи, и ею же заканчивается, ибо русская идея в упадке. Я постоянно думаю, как её оживить и продвинуть. Моим предшественникам было куда легче – всем этим Розановым, Бердяевым. Что они знали? Православие, соборность, святая Русь, которую все обижали, – философ повернулся к большой карте Европы 1913 года, где почти всё было Россией. – Теперь из этого много не выжмешь. Что прикажете делать с модными учениями: психоанализом, экзистенциализмом, уймой других? А ведь без них русскую идею не продвинешь. И напрасно многие обеспокоены несовместимостью русской идеи с тем же психоанализом. Нужно только уметь сочетать, а главное – доходчиво. Например, тот же экзистенциализм слишком непонятен русскому человеку, не говоря уже о его произношении. Пришло время, когда понимание России необходимо подавать с умом. Вот здесь-то и кроется самая большая трудность. Моим предшественникам было всё же легче. Что такое русская идея по Достоевскому, если популярно? Это когда мир делится на русских и нерусских. Или когда весь мир – славяне, а остальные – сволочи, и нам должны. Запад уродлив. Католики не люди. Чем занимался Бердяев в Париже и Берлине? Объяснял Западу, что русская идея – это не так, как на Западе, и что Западу кранты. Всё просто и патриотично, но слишком старо. Современный патриотизм опустился до бытового уровня: квас или пепси, дирол или жменя

семян. Слишком узко для русской идеи! Но у нас есть фундамент – те же мои предшественники. Нужно только их развить и дополнить в новом свете. Конечно, основа новой русской идеи, по-прежнему, – противостояние Западу. Что в России может быть конкурентоспособным? Прежде всего, природа. Как увязать это с Фрейдом? Нужно использовать иррационализм русского менталитета. Вспомните самую известную работу Фрейда «Толкование сновидений». Так вот, Россию нужно представить как сон – сон преобразования, куда сначала выплёскивается неудовлетворённость, страх, пьянство, раздражение, но затем всё это преобразуется в высокий помысел, которому присуща интуиция всеединства и идеальное состояние абсолютной Всечеловечности. Ведь Русский человек, по Достоевскому, – Всечеловек. Его всеотзывчивость – это свойство впитанной им матушки-природы, матери земли русской. Помните, Розанов представляет Россию женским, а Европу мужским началом? Ещё он говорит, что русские имеют свойство отдаваться беззаветно чужим влияниям, как невеста и жена мужу, но таинственным образом, чем эта отдача беззаветнее и чище, тем она сильнее действует на того, кому была отдача. Фрейд утверждал, что многие ландшафты, где есть мосты или горы, поросшие лесом, пересечённая местность – большей частью половые органы. Возьмите сибирскую тайгу. Как говаривал Ломоносов: «Русь Сибирью прирастать будет». Тайга, поросшая лесом, – это вагина, дающая плод и продолжение. Европейское влияние с его мужским началом – это не что иное, как введение мужского полового органа в вагину женской природы Руси. Но вот вагина становится чёрной дырой, в которую проваливается европейский пенис, попадая в некий чёрный ящик, и там самым непостижимым образом происходит русификация европеизации России. И уже над всей Европой во всей своей космической нехватности нависает необъятная русская вагина.

Философ склонил косматую голову к карте 1913 года, и на Европу посыпалась перхоть. Затем он повернулся и неожиданно спросил:

- Вы знаете, отчего умер Фрейд?
- Ну, разве что, официальную версию.
- Вот именно. Я расскажу вам другое.

Философ приподнял карту Европы и вынул из встроенного в стену книжного шкафа большую кипу писем.

– Вы, должно быть, знаете, что в России психоанализ быстро вошёл в моду. Гораздо быстрее, чем в Штатах или Франции. В начале века его пытались использовать чуть ли не все, включая марксистов. Фрейд вёл активную переписку с русскими психоаналитиками. После революции он выражал обеспокоенность тем, что его идеи ставятся под сомнение в большевистской России. Вот письмо – ответ Фрейда двум русским психоаналитикам Зиновию Хряку и Осипу Каннибалу. Последний эмигрировал в Берлин и после войны написал скандально известный труд «Клинический нацизм как шоковая терапия для Европы». Фрейд пишет им: «Благодаря вашей корреспонденции я вполне ощущаю ваше историческое время и ценю, как вы верно заметили, «великомученичество русской мысли, высекающей искры гениальных прозрений под ударами молота беспринципных политических кампаний по наковальне зёрен познания, накопленных в сокровищнице мировой культуры». Я также благодарен вам за описание результатов наблюдений того весьма интересного пациента, Ивана Зудина. Они лягут в основу моей новой статьи.

С уважением, ваш Фрейд».

Иван Зудин ещё мальчиком подхватил грипп в тяжёлой форме, который дал осложнение на мозг. Он испытывал острые продолжительные боли не только в мозгу, но и во всём теле. К этому добавились неурядицы в семье. Его старшего брата повесили за участие в «Народной воле». Его отец в приступе белой горячки забил до смерти его мать, а наутро утопился в реке. Его старшая сестра довольно удачно вышла замуж за богатого, но старого купца. Приворовывая из его кассы, она помогала Ване деньгами и продуктами. Но однажды майским вечером по

пути к Ване в больницу её сначала поразила молния, а потом переехал извозчик. Ваня остался один. В общем, обычные русские судьбы. Безусловно, всё это сказалось на Ваниной психике. Так он попал под наблюдение Хряка и Каннибала, которые уже тогда практиковали психоанализ. В это время Фрейд поначалу довольно удачно проводил лечение кокаином своего близкого друга Эрнста фон Фляйшля-Марксоу, занёсшего себе инфекцию в ходе анатомического исследования и испытывавшего невыносимые мучения. Фрейд предложил заменить ему морфий, к которому тот уже пристрастился, кокаином, к которому, как полагал тогда учёный, нет привыкания. Поэтому он сам употреблял кокаин, а также давал его сёстрам, невесте, друзьям. И только трагическое развитие болезни Фляйшля, который стал кокаинистом и неуклонно шёл к своему печальному концу, остановило Фрейда на этом пути. Но это было позже. А тогда Фрейд послал Хряку и Каннибалу свою только что законченную статью «О коке». В статье Фрейд ратовал за «полное употребление» кокаина, а не его «дозированный приём», основываясь, среди прочего, на применение коки южноамериканскими индейцами в религиозных ритуалах. Через полгода Фрейд прислал ещё одну статью под названием «Кокаин», где утверждал, что состояние веселья и продолжительной эйфории под действием кокаина ничем не отличаются от нормальной эйфории здорового человека. Хряк и Каннибал вняли совету Фрейда и стали пичкать Зудина кокаином. Так продолжалось довольно долго, пока Фрейд, а за ним Хряк с Каннибалом, но главное – сам Зудин, не осознали того, что это опасно. Зудин вообще оказался способным малым, и уже через несколько лет он сам попытался лечить себя с помощью психоанализа. Правда, его метод резко отличался от классического психоанализа. Сам он этот метод характеризовал так: «Скажи мне – кто ты, и я скажу, кто ты есть на самом деле». Большей частью он не добивался положительных результатов, но своим упорством заслужил среди оставшихся в живых пациентов прозвище Самородок. Вот этот-то «самородок» и стал впоследствии камнем преткновения на пути фрейдовского анализа. Надо сказать, что в это время Зудин уже здорово пристрастился к кокаину и всячески пытался освободиться от его зависимости, но безуспешно. Тогда Зудин выбрал другой путь: он стал работать над созданием синтетического наркотика, близкого по составу к кокаину, но слабее его по воздействию на организм. Это ему удалось. Он стал принимать этот заменитель взамен кокаина и постепенно отвык от кокаина. Но за это время синтетический наркотик вызвал эффект привыкания. Тогда Зудин снова создаёт синтетический заменитель прежнего заменителя и постепенно переходит на него, но и тот, в свою очередь, также вызывает эффект привыкания. Кончается это тем, что Зудин, привыкнув к последнему из своих многочисленных синтетиков, находит вещество, способное освободить его от синтетико-наркотической зависимости. Этим веществом оказывается чистейший кокаин. И всё идёт по кругу. Заслуга Зудина состоит в том, что он показал способ – как, чередуя в определённой последовательности различные наркотические вещества, быть вполне дееспособным человеком, оставаясь при этом перманентным наркоманом. Увы, записи этих последовательных применений, как и все его наблюдения, сгинули в огне пожаров и в череде нескончаемых потрясений. Сохранилась лишь часть переписки Зудина с Фрейдом. Зудин отказался от услуг Хряка и Каннибала и уже напрямую переписывался с Фрейдом. В одном из своих писем Зудин описывает один и тот же сон, который снится ему уже на протяжении нескольких лет: железная дорога тянется вдоль поросших лесом Уральских гор. В скале проложен длинный чёрный тоннель. По железной дороге на большой скорости к тоннелю мчится паровоз братьев Черепановых. Вот паровоз на всех парах входит в тоннель по самую кабину. Но вдруг его колёса проворачиваются. Колёса вращались, но паровоз стоял на месте. Затем колёса замедлили вращение, остановились и очень быстро стали вращаться в обратную сторону. Паровоз пошёл назад и скрылся за поворотом. Фрейд сразу определил, каким именно символом является тот или иной образ в сновидениях Зудина и быстро произвёл анализ. Для Фрейда совершенно очевидным было то, что Зудин испытывал острую сексуальную неудовлетворённость, которая таким образом отражалась в сновидениях. Но он крайне затруднялся в

выборе метода лечения Зудина, пока не узнал из его же письма, что тот в тридцатипятилетнем возрасте остаётся девственником. Известно, что Зудин много работал над систематизацией своих сновидений в свете фрейдовских трактовок. Вот письмо Фрейда Зудину: «Я считаю, дорогой Зудин, что помимо символов, которые столь же часто изображают мужские половые органы, как и женские, есть много таких, которые относятся исключительно к одному полу, и таких, из значений которых известно только мужское или женское. Пользоваться продолговатыми предметами в качестве символов женских половых органов и полыми (ящиками, коробками и т. п.) в качестве символов мужских – фантазия не позволяет. Столы и комнаты в сновидениях – это женщины. Из предметов одежды женская шляпа изображает половые органы мужчины. В сновидениях мужчин галстук служит символом пениса. Лица, пользующиеся этим символом в сновидении, имеют обычно целую коллекцию галстуков и очень часто их меняют». А вот ответ Зудина Фрейду: «Спасибо, дорогой Фрейд, что Вы нашли время и разъяснили мне метод истолкования некоторых символов в сновидениях. Но я никак не возьму в толк, как мне произвести анализ моих снов, где мне упорно снятся галстук и женская шляпа. Хотя я и пользуюсь этими символами в сновидениях, но я никогда не носил галстука. Моей косоворотке он ни к чему, тем более – коллекция. Но мне часто снится, как я пытаюсь затолкать галстук в женскую шляпу, а затем всё это в ящик моего письменного стола. Потом я несколько раз переворачиваю стол, катая его по комнате. Наконец, я вынимаю ящик и достаю уже не предметы, а живые половые органы и записку, написанную Вашей рукой, где вы утверждаете, что натуральный мужской пенис в сновидениях соответствует женским половым органам, а живая вагина – мужским».

Фрейд не ответил на это письмо. Приход нацистов к власти в Германии и Австрии, переезд в Англию, по всей видимости, не давали Фрейду сосредоточиться на ответе. Но, обосновавшись в Англии, он всё же пытается изучить феноменальные сновидения Зудина. В результате появляется «Очерк психоанализа», который обрывается на главе «Внутренний мир», как раз там, где психоаналитик пытается обобщить свои выводы относительно психики Зудина. Сам же Зудин, обеспокоенный долгим молчанием Фрейда, каким-то чудом выбирается из советской России и пытается проникнуть в Англию. Из Парижа Зудин пишет письмо Фрейду с просьбой о встрече. Фрейд не отвечает, понимая, что надо давать заключение, которого нет. Конечно, Фрейд имел большое влияние, и не только в научном мире. Он легко мог бы нейтрализовать занудного Зудина – например, упрятав его в психушку. Но Фрейд был очень честолюбив, и подобный вариант означал бы признание его бессилия в случае с Зудиным. Фрейд до конца пытался разгадать загадку Зудина, но в августе тридцать девятого он бросает все попытки, а состояние его здоровья резко ухудшается. В сентябре из-за непрекращающихся мучительных болей он просит своего врача Макса Шура ввести ему смертельную дозу морфия. На столе Фрейда рядом с тем самым письмом Зудина была найдена запись: «Мистика, тёмное самовосприятие царства, простирающегося за пределами Я, Оно».

Следы Зудина так и затерялись в Париже. Есть версия, что он перебрался под другим именем в Штаты, куда переместилась психоаналитическая мысль, и даже работал психоаналитиком в трумэновской администрации, с чем и связывают возникновение доктрины Трумэна и начало Корейской войны. Но это лишь версия.

Мы выпили водки. Он и я смотрели на карту Европы, и мне показалось, что карта становится рельефной. Сверху карты выпуклыми буквами проступает надпись «Третий Рим». По карте снуют маленькие человечки с криками «Мы избранны! Мы избранны!». Затем поочерёдно, но очень быстро человечки превращаются в термитов в одеяниях античных варваров и вгрызаются во всё подряд, разрушая до основания. Карта ТретьеРимска рвётся на части и, поднимая пыль, падает на меня. Я бегу вон, отмахиваясь на ходу от самоизбранного народа.

Один соотечественник говорил мне, что страной – было время, – правили евреи и педерасты. Я сказал ему, что попадались и русаки. Говорят, он успокоился.

– Вы опять медлите! – это был тот быстрошагающий мужчина. – Все уже на встрече с американцами, – он указал на улицу, по которой шла делегация людей иностранного типа. Вокруг них клубились уверенность и оптимизм. Это шли американцы. Они были патриоты, и у них были доллары. Их сопровождали власти и толпа. Вся эта процессия подходила к клубу. Из клуба вышел пьяный мужчина в китайских трусах в виде американского флага. Мужчина упёрся головой в единственную колонну клуба и стал мочиться в трусы. Процессия замерла, дожидаясь финала процесса. На лицах американцев выразилось недоумение и что-то вроде гнева. Один из американцев спросил:

– Этот человек таким образом выражает протест против внешней политики Америки?

Смущённый представитель власти поспешно успокоил:

– Этот человек просто выпил. Он сделает то же самое в любые другие трусы.

Другой американец ехидно поинтересовался:

– А с трусами в виде российского флага он так же поступил бы?

– Я таких трусов ещё не видел, но, думаю, – представитель власти на секунду задумался, – думаю, и туда бы наложил.

Толпа засмеялась. Мужика быстро увели. Представитель власти пообещал постирать трусы за счёт бюджета области. Американцы выдавили улыбку и сели в джип ГРАНД ЧЕРОКИ. Я вспомнил, что ЧЕРОКИ – это название индейского племени, которое колонисты перебили вместе с бизонами. ГРАНД – дворянин высшего общества. Получался дворянин с томагавком. Затем я вспомнил их боевой вертолёт АПАЧИ. Это тоже индейское племя, которое также перебили. Каково же воевать в таком вертолёте? Как сказал мне один соотечественник, «умом нам Штаты не понять».

Я взял в баре банку пива и пошёл гулять. Смеркалось. Я не заметил, как забрёл на большое картофельное поле, где американское пиво вызвало во мне сильнейший приступ славянской сентиментальности. Я стоял в грязи и смотрел на звёзды. Проступившие слёзы были их продолжением. Вдруг звёзды замерцали сильнее, становясь больше и ближе. Вокруг всё поплыло, словно какие-то волны колебали воздух и землю. Каким-то чутьём я ощутил, что это токи Времени пронизывают пространство, создавая коллапс эпох. Отдалённо слышалось что-то похожее на голоса очень многих людей. Тем же чутьём я ощутил, что вошёл в ноосферу – разумную оболочку Земли. В этот момент звёзды покинули свои места и выстроились в светящиеся буквы. На чёрном небе появилась надпись: ОТ УМНЫХ РОЖДАЮТСЯ УМНЫЕ. Изпод этой надписи выходили светящиеся имена и даты, опускаясь за горизонт поля. Некоторые имена я узнал – там была и моя фамилия. Я понял, что это список погибших и репрессированных. Он длился нескончаемо долго. Меня трясло. Никаких мыслей. Мозг обнажался, открываясь ветру Времени. Наконец список кончился. Медленно распалась надпись. Звёзды заняли свои места в созвездиях. Светало. Меня трясло от холода. Славянская сентиментальность сменилась славянской нетерпимостью. Я стал орать благим матом, бегая по полю и понося всех и вся. Вдруг кто-то тихо сказал:

– Утомонись.

– Кто здесь, мать вашу?!

– Это мы, эльфы – духи этого картофельного поля. Стой спокойно. Скоро к тебе, как и ко всем остальным, спустится ангел и скажет, что нужно делать, чтобы было всё как надо.

Стало светло и тихо. Крупными хлопьями шёл снег. Сквозь него стал проступать лик ангела. Он внимательно всматривался в мои глаза и хотел что-то сказать. Затем в его лице появилось сомнение, но он всё же начал говорить. Я смотрел в его глаза и ничего не слышал.

Потом до меня донеслись отдельные слова и обрывки фраз. Я хотел переспросить, но в его глазах блеснуло раздражение. Он махнул крылами и улетел. Завыла вьюга. Ангел бесновался в бессилии. Я с трудом выбрался с картофельного поля. Тут повстречался мне один соотечественник с мешком картошки и, указывая на поле, сказал: «Проба демократии в России сходна с введением на Руси картофеля: слышали, что вкусно, но не знают, что именно. Пока не клубни едим, а ягоды, потому и травимся».

Он ушёл, а я вышел на дорогу и услышал звон бубенцов. По снежному насту неслась тройка белых коней. За ней – сани в снеговой пыли. Возница в мехах с головы до ног – нипочём ему снежные брызги. Поравнялся со мной – одной рукой правит, другой – меня в охапку и в сани. Достал карабин и давай палить, аж уши заложило. А кони в лёт, вихри в гривах. Но – чу! От коней тех рёв разносится, потому не кони то, а танки в белый цвет выкрашенные. Выхлоп чёрный со снежной пылью мешается. Да и возница в маскхалате белом всё из карабина палит. Нагнулся ко мне и в ухо орёт: «Конституционный порядок наводить едем!». «Не хочу!» – закричал я и выпрыгнул в сугроб. А возница всё смеётся и по сугробу из карабина садит. Залёг я за дерево. Возница по нему – кора в щепки. Да увезли его танки. Едва их рёв затих, как другой послышался. Разбудила стрельба медведя. Вылез он – злой – из берлоги и ко мне. Я лес одним махом покрыл. Выбежал на поляну – там изба. Я уже был в избе, а в лесу ещё ревел русский медведь – бессмысленный и беспощадный.

Посреди избы стоял стол, за которым сидел мужичок в старом ватнике. Его глаза глядели на меня, но как будто не замечали. Он смотрел поверх большой бутылки с самогоном и был абсолютно невозмутим. Глаза его казались прозрачными, как и сам самогон. Эта чистота поразила меня. Какое-то время мы смотрели друг на друга без всякого интереса, погружаясь в состояние полного покоя. Затем еле уловимым движением глаз он указал на бутылку. Я налил самогона и выпил. И я понял, что ему не нужен собутыльник. Он питал ко мне чувство сопричастности к той сладостной нирване, в которую был давно погружён и куда погружался теперь я. Мы смотрели на бутылку как на предмет, наделённый магическим свойством связывать двух или нескольких существ, не способных соединиться напрямую, но обретающих в этом предмете источник взаимопроникновения. Я всё глубже погружался в его состояние. Я стоял у стола и стал медленно вращаться вокруг него и мужичка. Тот по-прежнему смотрел в бутылку. Я тоже не отрывал глаз от бутылки, но теперь уже, вращаясь по спирали, поднимался вверх. В избе стало невыносимо светло. Я вращался под потолком и видел, как бутылка, переливаясь огнями, будто сделанная из огромного алмаза, отрывается от стола и парит в воздухе на уровне глаз мужичка, чей ватник сделался белым. Алмаз безумно сиял ослепительным светом, резал глаза, завораживая взгляд. В недвижной руке мужичка появилась дымящаяся беломорина. Дым пах благовониями и поднимался вверх, обволакивая кольцами парящую бутылку. Кольца дыма упирались в потолок, и я вращался вокруг них, вдыхая тончайший аромат. Беломорина догорала, кольца становились меньше, бутылка опускалась. Спускался и я, медленно вращаясь в обратную сторону. Я встал на ноги. Беломорина погасла. Ватник мужичка потемнел.

Мы смотрели друг другу в глаза. Мы знали друг о друге всё.

Я побрёл из избы, выдыхая едкий дым отечества.

Снег стаял. На дороге стало тепло и задумчиво. С проводов стекал блюз. Что-то мелькнуло в солнечных бликах, растворилось и появилось снова. Лёгкий прозрачный ангел в прозрачном дуновении синего-синего неба. И этот голос уже привычного земного сияния, затмевającego небеса:

– Не бойся, это я. Я рождена для тебя. Я знаю.

Я узнал его. Он был и прежде, но я никак не мог дослушать до конца. Но что-то нисходит свыше, распахивая небеса, и ты можешь писать на них и непременно пишешь, что блаженные

очи узрели-таки, а уши услышали, и покой постигшего сердца вобрал все небесные письмена и бережно опустил их на землю, дивясь полноте исполненного.

– Мы будем вместе, – голос взмыл вверх. Прозрачный ангел сопровождал его.
Всё успокоилось. Мир и тишина.

Я присел на обочине и задремал. Мне снился дивный сон: тройка, запряжённая породистыми рысаками, неспешно шла по вымощенной мостовой. Сияющая улыбка возницы дарила радость, приветствуя каждую пролетающую птичку.

– Могу я вам чем-нибудь помочь?

Я не успел ответить, как уже сидел рядом с возницей, заражаясь его радушием.

Мы въехали в большой и красивый город. Жители радовались и приглашали к себе. Они были хорошо одеты и излучали здоровье. Видно было, что их экономика на подъёме, а медицина на высоте. Потом я узнал, что их армия весьма доброжелательна и служат там с небывалым усердием, находя в том большое удовольствие, хотя и не знают, что такое оружие. Их космические корабли часто летали на орбиту, где вращались огромные телескопы и станции, оберегающие жителей от вторжения астероидов. Они все были очень приличными людьми, и у них был свой кодекс чести, обязательный для всех. Конкуренты там не воевали друг с другом, они даже не знали, что такое коммерческая тайна. Просто один конкурент приходил к другому (даже не звонил, а приходил сам) и сообщал, что собирается купить то-то или взять заказ у того-то, и если другой конкурент говорил, что не может дать больше или переманить заказ себе, то тот, первый конкурент жал ему руку, они обнимались и расходились весьма довольные. Если же второй конкурент говорил, что может дать больше или переманить заказ, то первый не обижался, а также жал руку второму, и они всё равно обнимались. Там не было судов и, боже упаси, тюрем. Если что-то случалось чрезвычайное, то обе стороны не искали виновного (у них вообще не было понятия вины), а улыбались и вместе пытались исправить недоразумение – именно так они называли подобные случаи. По телевидению шли комедии и одни только хорошие новости. Все жители любили праздники и умели их устраивать. Я узнал, что в науку и политику у них идут лишь самые добрые и мудрые люди. Их учёные достигли небывалых высот в познании мира. Они давно научились клонировать животных, но клонировали одних только барашков и отдавали их детям, а те играли с ними на изумрудных полянах и заботились о них. Безопасность жителей возводилась в ранг наивысших добродетелей, и за время, пока я там жил, не было ни одной техногенной катастрофы, никого не ударило током и ни один житель даже не обжёгся. У них никогда не было зим. Они пили настои из трав, соки и нектары. Улыбка не сходила с их уст. Они желали мне добра и возлюбили так, как любили самих себя, то есть то, что было в них заложено: радость, любовь, жалость. Мне было хорошо с ними, но я не понимал их. Они не замечали моего непонимания и по-прежнему радовались мне, но я не мог искренне радоваться вместе с ними. И вот в одну ночь я понял всё. Я понял, почему, живя с ними, не могу возлюбить их, как самого себя. Я не подобен им. Я не могу возлюбить самого себя, глядя на них и зная их. И вот я задумал сделать их подобными себе, чтобы возлюбить их, как самого себя. И я развратил их всех!

Когда я начал свои попытки, я вспомнил, что что-то подобное уже снилось кому-то, и я знал, чем всё это может кончиться. Но у того человека всё вышло как-то случайно, я же имел цель и был уверен, что у меня-то всё будет по-другому. Я понял, что у всех этих людей когда-то произошёл генетический сбой. У них напрочь отсутствовала генетическая память развития человека от самых доисторических времён. В зародышах их детей не было подобия жабр, и никто из них не ведал, что такое животные инстинкты. Я не хотел им зла, но я сильно увлёкся и видел в них материал для утверждения своей теории: так могут ли они возлюбить себя и меня, пробудив в себе животных?

Я начал с того, что поселил в них сомнение: я сказал, что их станции и телескопы ненадёжны и пропустят угрозу из космоса. Они улыбались и пытались успокоить меня. Но я повторял это много раз и стал описывать космические катастрофы. Я пугал их ядерной зимой и рассказывал, что такое холод. Они добродушно смеялись. Я спел им песню о замёрзшем ямщике. Они выразили жалость. Я поведал их учёным, что из их достижений можно создать оружие. Они даже не спросили – зачем. Но я был упрям, и это свершилось. Они засомневались. Сомнения породили страх. Я говорил им: «Страх – это всего лишь рефлекс. Не бойтесь страха, это простительно и естественно». Я рассказал им о законе «побеждает сильнейший» и «каждый за себя». Я растолковал им, что такое естественный отбор и как привнести в него элементы искусственного. После этого один конкурент пришёл к другому и задушил его. Задушил грубо и некрасиво. Он даже не додумался нанять киллера. Но это по незнанию. Я стал рассказывать дальше и поведал, что такое основной инстинкт. Я прочёл им Фрейда, и они попеременно кидались в паранойю, истерию и невроз. У них появились сексуальные отклонения. Я научил их гнать водку и выращивать опиумный мак. Телевизор блевал порнухой. Учёные изобретали оружие, но военные тут же продавали его противнику. Все стали торговать. И если спросить их, что такое коррупция, они отвечали: коррупция – это мы.

Но настал день, и я ужаснулся делам своим. Я прозрел. Я попытался остановить их. Но они боготворили меня: «Ты дал нам знания, в них сила. Теперь мы знаем, что мы подвергались опасности. Ведь любой пришелец из космоса мог поработить нас, но теперь мы во всеоружии. Мы теряли генетическую связь с нашими многочисленными предками, но сейчас у зародышей наших младенцев появились жабры. Ты привил нам порок, и теперь мы живучи. Что ещё нужно?». Они оберегали в себе животных. Я говорил им: «Возлюби!», но они жали мне руку и отвечали: «спасибо!».

Я опять вспомнил того человека с его похожим сном. Всё повторилось. Но теперь я всё узнал на собственном опыте, а он дорог сам по себе. Так я размышлял, расхаживая между ними и слыша от них одни благодарности. А сон мой кончился вот как: к Земле подлетел гигантский астероид. Он вошёл в атмосферу как раз в тот момент, когда в генералитете царили очередные интриги и кадровые передряги. Космические войска бездействовали и пропустили небесное тело. Город был обречён.

Я вздрогнул и очнулся. Мимо проходил путник.

– Что с вами?

– Мне снился сон о моём опыте, давшем людям знание непомерной ценой.

– Это вам только снилось, – успокоил путник. – А я расскажу о действительном опыте с реальными последствиями. Вы, конечно же, помните о чернобыльской аварии. Но никто не знает истинной её причины. А я знал того человека, который всё это устроил. Мы занимались с ним в кружке «Юный биолог». Впоследствии он стал доктором биологических наук и специализировался в радиобиологии. Он защитил диссертацию, был видным учёным, но мечтал о Нобелевской премии. Эта мечта сделала его маньяком. Его психика всё больше надламывалась. Он подыскивал полигон для новых открытий и решил сделать им окрестности атомной станции. Под чужим именем он устроился на АЭС в операторский блок. Каким-то способом сумел отвлечь персонал станции и отключить защиту реактора. Но защита отключилась быстрее, чем он рассчитывал, и времени на безопасный отход не было. Реактор взорвался, и радиобиолог получил чрезмерную дозу облучения со всеми. Поначалу его здоровье не вызывало опасения, и он кинулся в работу, изучая животных-уродцев и растения-мутанты. Но вскоре к его психическому расстройству добавилась лучевая болезнь, и он сам стал превращаться в мутанта. На его спине вырос горб, который светился в темноте. Во лбу появился третий глаз, а позже из горба выросли страусиные крылья. Он совершенно сошёл с ума и пытался летать. Когда он уставал от неудачных попыток, то садился и писал книгу «Как я взорвал АЭС». Однажды его поймали и посадили в психушку. На прогулке он сумел взобраться на крышу высотного кор-

пуса и стал громко читать свою книгу и, отрывая страницы, бросал их вниз. Когда санитары добрались до крыши, он дочитал её до конца. На последней странице его рукой было написано: «Нобелевскому лауреату». Он прижал эту страницу к груди и шагнул с крыши. Санитар успел схватиться за кончик страусинового крыла, но так и остался наблюдать с пером в руке, как тело слегка вспорхнуло, затем зависло на секунду – в эту секунду тело сложило свои страусиные крылья – и рухнуло вниз. Я не скажу вам его фамилию. Он хотел прославиться, а я не признаю геростратовой славы. Ну, ни пуха вам.

Путник продолжил свой путь.

Я прикрыл глаза и забылся. Мне почудился страшный грохот, будто огромный астероид врезался в АЭС. Я вскочил. За поворотом поднималась пыль. О, чёрт – опять тройка! Мне почему-то представилось, что на этот раз она непременно будет запряжена конями Апокалипсиса. Я ринулся в лес, и вихрь, летевший с дороги, подхватил меня и понёс помимо моей воли в громадину храма.

Ко мне наклонился сутуловатый человек в очках.

– Вижу, плохо тебе. А ты помолись, легче станет, а то и спасёт. Под Москвой на мой окоп танк наехал и кружил долго. Я все молитвы перебрал. По второму разу пошёл. Танк убрался, только окоп подрушился.

– Так ведь зимой земля мёрзлая, танк и не достал.

– Может и так, но других-то подавил. Так что молись, и спасёшься.

Я встал с пола и начал молиться, глядя на роспись купола. На нём был изображён вознёсшийся Христос. Но вот купол становится прозрачным. Изнутри видно, что это гора с тремя крестами на фоне закатного солнца. У подножия лежит снятый с креста человек. Последним усилием, приоткрыв глаза, он шепчет: «Скорей, вложи руки в раны».

Не могу двинуться. Человек закрывает глаза и тяжело выдыхает.

Купол затягивается, возвращая роспись. В эти мгновения с купола капает кровь...

Купол затянулся. Всё вернулось. Я вышел из храма и натолкнулся на безногого нищего, ползающего по ступеням. Шёл дождь, и нищий смотрел, как вода смывает кровь с моей головы и течёт ему под руки.

– Вот видишь, – сказал нищий, когда вода стала чистой, – нужно быть очень мужественным, чтобы осознавать, что он больше не вернётся, и всё зависит теперь от тебя. Ты и я, мы все – его продолжение, но эта вера может быть верой даже одного человека. Он тоже был тогда одинок. Один оставался, и тот воин.

«Какой ещё воин?», – подумал я, но спросить не успел: удар молнии отбросил меня куда-то очень далеко.

Я очнулся на поросшем травой холме между бетонными глыбами и кусками арматуры. Вокруг холма висели остатки колючей проволоки с ржавыми табличками «ЗАПРЕТНАЯ ЗОНА. СТРЕЛЯЮ БЕЗ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ». Но самое удивительное: я мог видеть сквозь холм. Я лежал и видел, что находится подо мной. Глубоко вниз уходила огромная шахта. Я понял, что это пусковая шахта большой баллистической ракеты. Она была завалена бетонными обломками и кусками покореженного железа. Её взорвали по договору о ядерном разоружении. Ещё глубже и чуть в стороне находился бункер управления шахтой. Его тоже взрывали, но взрыв получился слабый. Бункер треснул, вход обвалился, сквозь трещины сочилась вода, но помещение сильно не пострадало. Даже оставшиеся приборы – те, что ещё не вынесли, – уцелели, и работало аварийное освещение. В этом бункере за пультом управления сидел майор ракетных войск, опустив голову на руки, и плакал. На экране приборной доски, как отрывки документального фильма, проходило его недавнее прошлое. После последнего боевого дежурства майор сильно выпил. Он уснул в подсобке, не слыша как минировали помещение, и очнулся от сотрясения бункера с сильной контузией. Чтобы выжить, майору пришлось есть крыс. Позже он приручил крота, который таскал с близлежащих огородов овощи.

На экране исчезло изображение плачущего человека. Экран погас. Майор говорил с собой:

– Почему я? Почему меня не заметили при эвакуации? Или же оставили специально? Я как-то возразил полковнику, уже и не помню по поводу чего, но возразил мягко, корректно, и когда его лицо вспыхнуло гневом, я взял свои слова обратно и прилюдно извинился. Неужели он не забыл? Нет, полковник сюда не опускался. Он должен был дать приказ. Но кто б на это пошёл? Кто минировал бункер? Вспомнил! Это мой бывший приятель по училищу, тот капитан. Конечно, он не простил того, что я трахнул его жену, когда мы были ещё лейтенантами. И то, что, когда мы обмывали капитанские звёзды, я разбил ему машину. А когда он, наконец, получил квартиру, я подрался с ним на кухне, опрокинув горящий примус, и квартира выгорела. Он хотел пристрелить меня во время ночного дежурства, но я вовремя проснулся и проломил ему голову табуреткой. Нас развели по разным гарнизонам, и я забыл о нём, но теперь понимаю, почему он в последний месяц так часто писал рапорты с просьбой о переводе в мою часть. Сейчас я понял, почему очнулся при взрыве под брезентовым тентом. Он накрыл меня мертвецки пьяного, чтобы не заметили при эвакуации. Да и взрыв устроил не сильный, чтоб только завалить вход, и я б остался в этом склепе навсегда, медленно умирая. Неужели человек способен на такие подлости?

Майор уткнулся головой в пульт управления. Замигали лампочки. Дисплей засветился, обозначая цели.

– Что за чёрт! Я включил режим готовности одновременного запуска ракет! Они забыли отключить код пуска. В этой шахте нет ракеты, зато есть в других. Отсюда, используя единую программу управления, я смогу дать команду пуска, и сотни ракет полетят на Штаты и Европу, а те пустят свои на нас! Теперь я не просто майор ракетных войск, я – бог, начинающий так давно обещанное нам действие Апокалипсиса! Я устрою вам глобализацию по-своему. Я переживу ядерную зиму в этом бункере и выберусь отсюда. Я должен выбраться, чтобы увидеть содеянное, иначе – зачем начинать!

Майор поднёс руку к кнопкам. Она дрожала и сильно потела. Затем резко отдернул руку и вскочил, схватившись за голову. Отошёл к дальней стене бункера, повернулся к ней лицом и слушал, как капает вода, и крот, вернувшийся с огородов, затаскивает свеклу.

– А ведь тогда она будет заражённой. Да нет, тогда ничего не будет!

Он снова подошёл к кнопкам и занёс руку. Рука дрожала, капал пот. Майор укусил себя за предплечье занесённой руки, вскрикнул и отскочил в угол бункера.

– Как же я выберусь отсюда? А если нет? Кто-то может остаться в живых и не будет знать, кто всё это устроил. Надо написать послание.

Он написал:

«Я, майор ракетных войск, находясь в здравом уме...». Нет, не поверят.

Ему стало тоскливо. Он представил себя мумией, обглоданной крысами.

– Какая мне разница. Зачем эти письма! Нет, уж лучше перед тем как взорвать этот мир сделать хоть маленькое доброе дело, например, придушить этого крота, чтоб не воровал овощи у людей. Так и людей не будет!

Он нервно засмеялся и вдруг вспомнил своё детство, тот момент, когда он семилетним мальчиком разгребал осенью кучу листьев и наткнулся на большую полусонную жабу. Тот мальчик испугался и не мог двинуться. Он с ужасом глядел, как жаба медленно приоткрыла глаза, но сон почти овладел ею, и она не шелохнулась. Мальчик очнулся, вскочил и, поняв, что жаба никуда не денется, стал колотить по ней палкой, выгоняя из себя страх.

– Мир – это сонная жаба! Решительность – вот что нужно!

Он занёс руки над кнопками и застыл. Укус в предплечье заныл. Тогда майор взобрался на край пульта:

– Сейчас я сделаю строевой шаг и наступлю на кнопки. Нет, я сотворю движение вальса, это будет красиво, но мир не спасёт.

Майор громко засмеялся.

– Да нет же, я просто прыгну на них. Вот так!

Он закричал и прыгнул на пульт. Лампочки мигнули. Дисплей погас. Аварийное освещение отключилось.

– Как же так? Ничего не сработало. Это проделки капитана. Гадёныш переделал пульт, создав иллюзию управления. Сколько жестокости в людях!

Майор плакал.

– Господи, неужели мне в скорби моей суждено, что земля своими запорами навек заградит меня, или всё же, подобно Ионе, буду извергнут из бетонного чрева. Не думай, Господи, я гласом хвалы принесу тебе жертву!

На поверхности шёл грозовой ливень. Рядом со мной опустилась шаровая молния. Я уже не видел, что делается под холмом. Огненный шар вошёл в широкую трещину в бетоне и опустился в шахту. Я побежал от холма. Земля содрогнулась. Я добежал до железной дороги, по ней как раз шёл поезд. На повороте он сбавил ход, и я сумел впрыгнуть в один из вагонов. Вагон оказался общим. Я сидел, потрясённый, и не обращал ни на кого внимания. Я думал о том, что, если я мог видеть сквозь холм, то смог бы я остановить майора, если б запуск срабатывал?

– Что с вами? – молодой человек тронул моё плечо.

Я огляделся. Я понимал, что мы едем в общем вагоне, но даже это обстоятельство не оправдывало такой убогости толпы. Я посмотрел в окно: там лежал снег и стелился дым.

– Куда мы едем? – спросил я молодого человека.

– В Петербург.

– А почему за окном всё время дым?

– Обычное дело, паровозный дым.

– Паровозный дым? Простите, я забыл какой месяц сейчас?

– Февраль.

– А год?

– Да что с вами! Впрочем, одна тысяча восемьсот восьмидесятый.

– А зачем мы едем в Петербург?

– Да что такое с вами? Впрочем, я еду повидаться с писателем Достоевским. Он обещал мне встречу.

– Я пойду с вами.

Стемнело когда мы пришли на угол Кузнечного и Ямской.

– Вот здесь, на второй этаж, – указал молодой человек. – Только прошу вас, тише. Сейчас поздно, Анна Григорьевна уже спит.

Мы поднялись наверх. Молодой человек тихо постучал. Было слышно, как за дверью нервно ходят. Дверь отворилась. Из полумрака комнаты проступили очертания невысокой фигуры. Это был Достоевский. Он отошёл и глядел на нас снизу и вполоборота, захваченный какой-то давней думой. Я нащупал в кармане фотоаппарат – «мыльницу». Я испугался скорости происходящего и, быстро вынув «мыльницу», нажал на спуск. Сработала вспышка. Достоевский закрылся руками, отшатнулся назад и упал. У него начинался припадок. Мы кинулись к нему и приподняли голову. Я спросил:

– Может, позвать Анну Григорьевну?

– Нет. Держите голову, я сейчас.

Изо рта пошла пена. Молодой человек подбежал к столу, взял ложку из стакана с чаем и засунул её в рот Достоевскому, пытаясь достать язык. Припадок был недолгим. Дыхание стало

реже, и вскоре Достоевский пришёл в себя. Мы не поднимали его, боясь повторения. И лишь когда он сам попытался приподняться, мы помогли ему сесть.

Пошло за полночь. Достоевский сидел на стуле, держа руки на коленях, и задумчиво глядел в пол. На его лбу оставалась испарина. Было видно, что давешняя мысль снова овладела им. Он тихо сказал:

– У меня был Суворин, издатель. Мы говорили о недавнем взрыве в Зимнем дворце. Вы, должно быть, слышали: хотели взорвать царя, но убили десять и покалечили пятьдесят солдат Финляндского полка. У общества странное отношение к этим преступлениям. Оно как будто сочувствует им или, ближе к истине, не знает хорошенько, как к ним отнестись. Вот представьте себе, что мы с вами стоим у окон магазина Дациаро и смотрим картины. Около нас стоит человек, который притворяется, что смотрит. Он чего-то ждёт и всё оглядывается. Вдруг поспешно подходит к нему другой человек и говорит: «Сейчас Зимний дворец будет взорван. Я завёл машину». Представьте себе, что мы это слышим, что люди эти так возбуждены, что не соразмеряют обстоятельств и своего голоса. Как бы мы с вами поступили? Пошли бы мы в Зимний дворец предупредить о взрыве или обратились к полиции, к городовому, чтоб он арестовал этих людей? Я спросил Суворина: «Вы пошли бы?». Тот сказал, что нет, не пошёл бы. И я бы не пошёл. Почему? Ведь это ужас. Это – преступление. Мы, может быть, могли бы предупредить. Вот нравственный образец и идеал есть у меня один – Христос. Христос взорвал бы Зимний дворец? Нет! А донёс бы полиции на тех, кто взрывает? Вмешался бы в дела Кесаря? Я долго перебирал все причины, которые могли бы меня заставить донести на взрывателей. Причины основательные, солидные. И затем обдумал причины, которые мне не позволяли бы это сделать. Эти причины прямо ничтожные. Просто – боязнь прослыть доносчиком. Мне бы либералы не простили. Они измучили бы меня, довели бы до отчаяния.

Достоевский умолк. Молчали и мы. Я подумал: как всё изменилось. Тогда, когда взрывали царей, была боязнь прослыть доносчиком. Теперь, после чудовищных взрывов жилых домов, когда могут взорвать любого из нас, не то чтоб сообщили, а, заметив тех, кто это готовит, придушили бы, не обременяя себя русской проблематикой девятнадцатого века. Неужели для создания цельного гражданского общества нужен террор для граждан? Я размышлял и начал говорить вслух:

– Не знаю, как вы, а я бы сообщил об адской машине в Зимнем. Я бы спас тех солдат, спас бы и взрывателей, ведь их повесили б. Да, думаю – так гуманно. Гуманизм – это количество жизней. Да, количество жизней.

– Человеколюбие и адская машина. Что же спасёт? – Достоевский вздрогнул. – Дети – вот что меня спасает. Любовь их спасает, – Достоевский встал. – Я открою вам. Вы поймёте. Это же плоть от плоти.

Он отодвинул этажерку от стены. В стене была дверца, обклеенная такими же обоями, как и вся стена. Достоевский открыл её. За ней была древняя массивная дверь. Достоевский толкнул дверь, она легко поддалась. За ней плавало сумеречное пространство. Плавно колеблясь, оно надвигалось на дверь и уходило в стороны. Что-то прояснялось, подплывая к двери. Сначала проступила тонкая сеть, подобная бесконечно разветвлённой паутине. Затем – очертания множества фигур, и стали видны глаза. Все фигуры переплетались этой бесконечной паутиной. Они уплывали в стороны, и только две фигурки подплыли близко к двери – так, что можно было их разглядеть. Я понял, что эта разветвлённая паутина – нервные переплетения или что-то вроде них. В одной фигурке угадывалась девочка, в другой – мальчик. Фигурка мальчика была небольшая, а девочки – совсем крошечная. Достоевский протянул к ним руки. Глаза детей были приоткрыты и смотрели, как будто сквозь сон. Их фигурки выглядели невесомыми, и сквозь них проходили колебания пространства.

– Вот, – сказал Достоевский, – это Софьюшка и Алёша. Они не отпускают меня. Помните духов? Взрослых духов? Они впускали в себя духов маленьких, рано умерших детей, и через

себя учили их взрослеть. А меня учат Софьюшка и Алёша оттуда – из последней обители. Они выпускают меня к себе – в свою маленькую детскую любовь. Потому я и пишу о ней. Но я и боюсь. Я многому верю. Я знаю, что скоро умру, а любимые дети часто идут следом, и что моя любовь потянет за собой Любашу. Я боюсь этого.

Глаза детей открылись полностью. Они смотрели на отца. Движение пространства остановилось. Лишь колебания продолжали идти сквозь фигурки. Но вот пространство поплыло обратно. Мы подошли вплотную к двери, и нас потянуло туда. Мы схватились за Достоевского.

– Не бойтесь, – сказал он, но мы уже теряли контроль. Нами овладел ужас. Никто из нас не был к этому готов. Мы закричали и кинулись прочь в ночной Петербург.

Утром отправились в Москву. В общем вагоне у меня украли фотоаппарат. Я сокрушался о потере кадра с Достоевским, но позже в книгах его исследователей часто встречал тот снимок. Он всё-таки сохранился.

Мы ехали без билетов. Молодой человек, как я понял, принадлежал к бедному студенчеству, а мои деньги значения не имели, хотя и были с двуглавым орлом. Нас скоро высадили. Я и молодой человек сидели в маленьком зале станции Астапово. Недалеко от нас полусидел, полулежал старик с белой бородой. Он покашливал, и, по-видимому, сильно простудился. Это был Толстой. Переглянувшись, мы подсели ближе.

– Лев Николаевич, вам плохо? – молодой человек попытался помочь ему сесть ровно.

– Что эти стервецы пишут, – тихо произнёс Толстой. – Вот, купил по пути сюда. Любуйтесь, – он показал газетный лист с заголовком: «Толстой – лев русской словесности».

– Не обращайтесь внимания, – успокоил молодой человек. – Это уездный листок. Им лишь бы на себя внимание обратить.

– Не по правде живут, – жаловался Толстой. – Затхло всюду. Я приказал «Карамазовых» выслать. Не знаете, доставили уже?

– Мы не в курсе, – ответил молодой человек. – Но если б знали, у автора попросили. Да вам домой надо, Лев Николаевич. Софья Андреевна беспокоиться будет.

– Вот новая моя религия человеческому развитию соответствовать должна была, – тихо продолжал Толстой. – Религия Христа, но без веры и таинственности, практическая религия без будущего блаженства. Да, божественная, но без веры, – Толстой потянул нас за руки к себе. – А где Таинство, а? – он притянул нас к самой бороде. – Я надежду убил на личное бессмертие. Как там в «Карамазовых»: «Хочу жить для бессмертия, а половинного компромисса не принимаю». Вот как!

– Вам домой надо, – настаивал молодой человек.

– Затхло всюду. Попов гнать, – Толстой уже не обращал на нас внимания.

– Оставьте его, – сказал я молодому человеку.

– Да что это вы! – возмутился тот.

– Оставьте, это бесполезно.

– Да почём вы знаете!

– Знаю.

– Я побегу за доктором, – молодой человек убежал.

Толстой впал в забытё. К станции подошёл поезд. На перрон сошли несколько человек – полицейские чины и люди в штатском. Все они направились внутрь станционного здания. Я отошёл в угол, пропустил их и устремился к вагону.

Я всё же попал в Москву. Это было ночью, и ночь была красивой. Я взобрался по пожарной лестнице на высотный дом где-то на Тверской – понаблюдать за разливом огней. Сел на край крыши, свесил ноги и болтал ими над ночным проспектом.

Стало едва светать, и из люка, ведущего с чердака на крышу, послышался шум. Ломали замок. Дверца приоткрылась, и в ней показался человек в чёрной маске, с большой сумкой

через плечо. Я догадался, что это киллер выходит на исходную позицию. Спрятаться мне некуда. Я же ему очень мешал. Я свесился за край крыши, чтобы он меня, по крайней мере, не сразу заметил, и стал быстро придумывать заклинание, стремясь превратиться в кого-нибудь очень маленького, и придумал вот что:

Небо быстро просветлело,
Осветило моё тело.
Тело, длинное пока,
Превращайся в карлика!

Через мгновение я был не выше спички.

Киллер достал из сумки разборную винтовку с оптическим прицелом и стал монтировать. Я тихо подкрался и спрятался за оптический прицел, лежащий пока отдельно. Первый луч солнца заявил о себе. Небо становилось рассветно-очарованным. Я подумал: почему я должен стать свидетелем чьей-то гибели в эти чудесные рассветные минуты? Сейчас неважно, кто цель киллера – олигарх или держатель ларьков. Меня это нисколько не интересовало. Меня смущало то, что он испортит мне ощущение прихода нового дня. Вой сирен, кровь на асфальте – всё надоело. Пусть будет просто солнечный день. И я решил помешать ему. Я с трудом, но всё же втиснулся внутрь оптического прицела. Киллер закрепил прицел на винтовке и прильнул к нему. Я встал внутри прицела во весь свой маленький рост и прильнул со своей стороны к стеклу. Киллер слегка отпрянул, недоумевая. Затем он снова припал к прицелу. Я видел его огромный – выпуклый, как у лошади, – глаз. В это время, вероятно, появился тот, за кем он охотился. Киллер напрягся и стал медленно водить винтовку. Я забегал внутри прицела, стараясь закрыть ему перекрестие. Киллер сильно затряс винтовку, пытаясь меня нейтрализовать, и снова припал к оптике. Я сделал вид, что лежу без движения. Киллер изготовился к стрельбе. Я вскочил и стал быстро дышать на стекло прицела. Стекло запотело. Пока киллер совершенно напрасно тёр стекло, я снял штаны и принялся мочиться. Струя просочилась сквозь крепления прицела и попала киллеру на руки. Он отёрнул руки, обтирая их об куртку. Затем быстро схватил винтовку и наскоро прицелился, но его цель уже скрылась. Он отсоединил прицел и швырнул с крыши. Я летел вниз в сверкающей на солнце оптике и ни о чём не жалел. Большая серая ворона схватила на лету прицел и полетела с ним на какой-то чердак. Она заглянула внутрь прицела, и её глаз показался мне огромным и лошадино-выпуклым. Ворона заметила меня и стала долбить клювом стекло. Стекло разбилось. Ворона, окрылённая успехом, громко каркнула три раза, я выскочил и принял прежние размеры.

Я добирался на метро до главной площади страны. Рядом со мной сидела девушка, держа в руках тоненькую книжку с названием «Литературные кроссворды». Одно задание я прочитал. Оно выглядело так: «Великий русский поэт, сын суки и потомка каннибалов».

Красная площадь. Утро. Православный коммунист выводил красной струёй из баллончика на мавзолее: ТЕБЕ ГОВОРЮ, ВСТАНЬ
ИДИ ВОН
ВОЗЬМИ ПОСТЕЛЬ СВОЮ И ХОДИ

На крыше ГУМа горела бегущая строка, а внутри её дублировал приятный женский голос из динамика: НЕ СОБИРАЙТЕ СЕБЕ СОКРОВИЩ НА ЗЕМЛЕ, ГДЕ МОЛЬ И РЖА ИСТРЕБЛЯЮТ И ГДЕ ВОРЫ ПОДКАПЫВАЮТ И КРАДУТ. НЕ ЗАБОТЬТЕСЬ, ЧТО ВАМ ЕСТЬ И ЧТО ПИТЬ, НИ ДЛЯ ТЕЛА ВАШЕГО – ВО ЧТО ОДЕТЬСЯ.

Далее шёл перечень товаров, цены и реклама.

На площади царило оживление: президент пытался говорить с обступившим его народом. Я пробрался поближе. На майке президента виднелась надпись: ЧТО ЕСТЬ ИСТИНА.

Люди кричали: «Нам плохо! Надо бы лучше!». Что-то предлагали. Вдруг президент громко сказал:

– Бандерлоги! Фу ты, чёрт, – соотечественники! Знаете что! Пойдёмте в музей, я покажу вам новый экспонат.

Толпа ринулась за ним, заполняя музейные коридоры. Президент вошёл в самый большой зал и поднялся на балкон. В зале стояла гигантская русская тройка. Кони выглядели спящими. Возницы не было.

– Вот, – сказал президент, указывая на тройку. – Усмирили. Хватит ей носиться, ужас наводит. Пусть здесь стоит. Но я хочу вам сказать, – президент сошёл с балкончика по узенькому мостку, зависшему над сиденьем брички, – что если вы все будете жить плохо – пьянствовать, воровать, не платить налоги, то тройка эта долго не выстоит на месте, а рванётся вихрем и пройдёт по вашим нерадивым головам, пока у вас в очах не зарябит. И я эту тройку не удержу, да и удерживать не буду! Так что ступайте и не балуйте.

Народ расходился, тихо ропща.

Меня тронул за плечо какой-то человек:

– Представляете, один мой соотечественник недавно покрестился и теперь не знает, кто он – христианин или православный, – человек засмеялся. – Хотите, я познакомлю вас с одним обществом? Это новое общество, весьма прогрессивное.

– Что ещё за общество?

– О, вам понравится. Оно для продвинутых людей и затрагивает многие сферы сознания. Называется «Общество сознания тараканов». Вот литература, весьма недорого. Но главное, я могу свести вас с главою нашего общества, и он посвятит вас в такие тайны, из которых вам станет ясно, кто мы на самом деле.

Мы поехали за город и остановились у палаточного городка. Палатки стояли вдоль высокого забора. Людей мало. На деревянных воротах был вырезан большой таракан с отходящими от него лучами. Человек открыл ворота и пригласил в дом. В нём имелась одна большая комната – размером со спортзал, и кухня. На одной из стен был изображён раздавленный таракан. Посреди большой комнаты на животе с распростёртыми руками и вытянутыми ногами лежал человек.

– Что с ним?

– Это поза таракана. В ней мы саморегулируемся. Этот человек – наш учитель, адепт высшей космической саморегуляции. Он готовится к сеансу.

– А зачем на стене нарисован раздавленный таракан?

– Это у нас Стена плача. Чуть позже вы всё узнаете, а я пойду.

Учитель лежал минут пять, то закрывая, то открывая глаза. Затем встал и подошёл ко мне.

– Вы хотите стать совершенней? Вас удивляет то, что наше общество связывает себя с такими насекомыми? Тараканы – одни из самых организованных живых существ. И, в отличие, скажем, от пчёл – несравненно живучее. Мы берём самое важное в этих насекомых – умение организоваться и умение выживать. Их стремление к мусорным местам расцениваем как индикатор нарушения саморегуляции этих мест. Это своего рода команда свыше о том, что это место нужно привести в соответствие с его первоначальным значением – быть частью единого, целого, незамутнённого пространства, входящего в структуру саморегулирующегося энергокосмоса. Если же просто уничтожить тараканов, то это место всё равно не будет спо-

собно к саморегуляции, и, рано или поздно, тараканы появятся вновь, как посланники предупреждающих свыше.

– Так может, просто не сорить?

– Как же вы всё упрощаете. Это от неведения. Поймите, здесь всё гораздо сложнее. Начну с того, что многие исследователи отмечали, что ещё в конце девятнадцатого столетия вековые религиозные представления были поколеблены: вера, какая бы она ни была, оказалась навсегда скомпрометирована передовым естествознанием. Различные модные течения, вроде позитивизма, теряли притягательность из-за толкований, выглядевших слишком элементарными. Незыблемые прежде истины оказались под сомнением. Более того: была подвергнута критике сама мировая целесообразность. Человечество занимала уже не только связь человека с другими людьми, но и с природой или историческим развитием. Оно желало окончательно выяснить свои отношения с богом и самим собой. Назревала насущная проблема – не только вписаться в мир, но и привести его в соответствие со своими о нём представлениями. Таких учений ещё не было. Государство также оказалось неспособным предложить сколько-нибудь приемлемую для интеллигентного общества идеологию. Вы не находите, что всё это перекликается с нашим временем? Только тогда интеллигенция ударялась в революционные теории, а это саморазрушение. Умы интеллигенции всегда нужно чем-то занимать. И я предлагаю самосозидающее учение.

Человечеству всегда был нужен бог: бог-просветление, бог-любовь, бог-энергетика, бог-информация-весть, но я создал главного бога, в котором всё это воплотилось в единое целое. Этот бог есть бог-саморегуляция. Бог, которого можно понять до конца только будучи продвинутым человеком. В сущности, все основные религии – это и есть способ саморегулировать человеческую популяцию на биологическом уровне, то есть способность сохранения человечества в количественном отношении. И хотя были войны и за веру, но, в основном, саморегуляция человечества методом механизма религиозного сознания себя оправдывала. И как только вторгался атеизм, тут же возникали все эти тоталитаризмы. Поэтому бог нам нужен, чтобы жить. Но жизнь – это прежде всего саморегулирующаяся структура. Этим свойством и определяется живучесть. Но, если всё, что я сказал, подавать лишь в контексте научных критериев, то это несравнимо сузит число приверженцев моей идеи. Поэтому учение должно рассматриваться в процессе социального, философского и экономического развития и, если понадобится, в любом другом контексте. Нужна цельная и всепроникающая религия. Нужен бог – и бог всеобъемлющий, всё объясняющий до конца, а значит, дающий каждому шанс познать себя и мир в его единстве. Религия саморегуляции пробуждает в человеке волю к самосовершенствованию не методом мифических или мистических опытов, а вполне познаваемыми приёмами, и уже здесь – на Земле, и именно в России, как самом оптимальном месте для саморегуляции.

– Но вот насчёт самих тараканов как-то не очень приятно.

– Возможно, поначалу так и есть. Но когда я работаю с учениками, то со временем они начинают относиться к тараканам с любовью и пониманием. Они видят в них посланников саморегуляции свыше, контролёров разрегулированных зон. И если вы скажете им, что тараканы – грязные и вредные насекомые, то они ответят вам, что ваши знания ничтожны, и вы за пределами саморегулирующихся полей. По отношению к тараканам я и распознаю людей: свой – чужой. Сейчас я не вижу конкуренции моему учению и думаю, что со временем правительству стоит подумать о создании государственной идеологии на базе моей религии. Я уже выпустил два объёмных труда – «Православней, чем православие» и «Восточнее, чем Рерих». Готовлю следующий – «Тотальной, чем Блаватская».

– Здесь немного людей. Ваше общество малочисленно?

– Вовсе нет. У нас много приверженцев. Просто почти все ушли в лес совершать ритуал. Мы собираем пожертвования и используем эти деньги на закупку средств для борьбы с тараканами.

нами. Мы покупаем их на все деньги и относим эти средства в лес на специально оборудованную поляну, где после медитационной молитвы уничтожаем их. Этот процесс рождает радость в моих учениках от сознания того, что они спасли сотни тысяч тараканов – посланников саморегуляции.

– Но если вы тратите все деньги на закупку и уничтожение этих средств, то на что вы существуете?

– Иногда я трачу не все деньги на закупку. Иногда покупаю средства в одном магазине и сдаю в другой подороже. Но не думайте, что это злоупотребление. Это часть саморегуляционной системы нашего общества. Конечно, об этом знают только посвящённые, как, например, ваш бывший спутник – он наш кассир. Остальным, в силу малого знания, а значит, возможного сомнения, мы не разглашаем свои расходы, ведь саморегуляция требует больших средств.

– И члены вашего общества активно жертвуют?

– Да. Вы видели множество палаток у нашего забора? Там живут те члены общества, которые продали свои квартиры и перечислили все деньги нам. Они живут в палатках круглый год, вырабатывая в себе способность к наивысшей саморегуляции.

У палаток послышался шум. Я вышел за ворота. Люди с радостными лицами возвращались из леса. Многие были одеты в костюмы тараканов. Я остановил одну женщину:

– Скажите, во что вы верите?

– Я верю в саморегуляцию России. Я верю, что новое учение свершится в России, а затем во всём мире. Я верю, что Россия – центр эзотерических и саморегуляционных знаний. Я верю, что именно здесь есть священное Знание-Мудрость и непреложный, вечносущий, неизменный Корень саморегуляции. Я верю...

– А в Бога? В Бога?

– В Бога? Я... Я буду веровать в Бога...

– А, чёрт! Где-то уже это было!

Я уехал в летнюю южную ночь. Лежал и глядел в большое открытое окно, за которым плавала особая всепроникающая тишина и продолжалась открытость. Звуки южной ночи всегда ёмки, точны и не содержат лишнего. В эту ночь полнолуние льнуло к моему окну. От луны к нему протянулась широкая лунная дорога, и по этой дороге к окну скатилась сама луна. На большой скорости она пытается втиснуться в проём окна. Но окно не пускает. Луна застревает в проломленной раме. Её кратеры закипают, и ко мне в комнату льётся бурлящая лунная магма, заливая полы. Луна бьётся и снова втискивается внутрь, скребя кратерами о раму. В комнату падает луноход, разбиваясь о стену. Осколки его солнечных батарей мелкими кусочками разлетаются повсюду, многократно отражая лунный свет, и он становится невыносим. Луна нервничает и пульсирует. Откатывается назад и снова устремляется к окну. Наконец устаёт. Она слабо пульсирует и медленно возвращается в чёрное южное небо. Лунная дорога уходит следом. Магма просачивается сквозь щели в полу и скрывается. Остаётся покореженный луноход и осколки солнечных батарей, уже не так сильно отражающих лунный свет. Я засыпаю и, как будто сквозь сон, вижу на фоне лунного диска лёгкое мерцание и силуэт женщины. Она наклоняется и тихо говорит:

– Скоро мы будем вместе.

Её голос отражается от лунных бликов, наполняет комнату и растекается в ночном пространстве. Женщина берёт в ладони лунные блики и дует на них. Они кружатся и летят к окну, увлекая за собой силуэт женщины. Она смеется и исчезает. Прозрачный ангел перестаёт мерцать на фоне лунного диска.

Утром меня разбудил вой пожарной сирены. Тушили дом напротив. Я зашёл к соседу-соотечественнику спросить, в чём дело. Он поведал мне, что в том доме жил писатель, кото-

рый много писал и постоянно пытался сжечь написанное, но всё как-то не решался. И вот этой ночью он собрал все свои рукописи и решил спалить их в духовке. Примерно в полночь писатель закончил очередную рукопись и, перечитав её, впал в депрессию. Он сгрёб все свои бумаги и засунул в духовку газовой плиты. Бумаг накопилось много, они сильно уплотнились, и поджечь их было сложно. Тогда писатель зажёл конфорки, чтобы на них жечь рукописи. Становилось душно, и писатель был вынужден открыть окно. В это время этажом выше его сосед-художник в состоянии глубокой депрессии кромсал кухонным ножом свои полотна и швырял их в окно. Обрывок полотна влетел в кухню писателя. Тот выглянул из окна – посмотреть, в чём дело. В этот момент этажом выше художника живший там скульптор в состоянии глубочайшей депрессии крушил кухонным топориком гипсовые фигуры и бюсты. Он боготворил Родена и мечтал сотворить любовь, если не в мраморе, то хотя бы в гипсе. Но сегодня в полночь скульптор понял, что Роден недосыгаем. Он разбил все гипсовые фигуры и теперь вглядывался в бюст Родена – в то, с чего начинал. Ему показалось, что губы Родена искривились злорадной улыбкой, а глаза ехидно сощурились. Скульптор схватил бюст и выбросил его в окно. Бюст разбился о голову выглядывавшего в это время писателя. Тот потерял сознание и остался лежать на подоконнике. Чуть позже в окно залетел большой кусок картинного полотна и упал на горящие конфорки. Полотно вспыхнуло, став причиной пожара. Писателя с обширными ожогами всё же спасли, а рукописи, благодаря тому, что были закрыты в духовке, в целом сохранились, хотя и обгорели по краям.

Пожарные уехали. Сосед включил телевизор. Шли новости. Диктор рассказывала о том, как на олигарха Лопахина, тесно связанного с семьёй бывших хозяев Вишнёвого сада, оказывается давление с целью заставить его уступить контрольный пакет акций «Вишнёвый сад». В противном случае вырубка сада будет признана незаконной, и олигарх останется ни с чем.

Далее в разделе «Криминальная хроника» шёл сюжет о санитаре морга, который перед тем, как переодеть трупы, расписывал их фрагментами картин Рафаэля. Многие родственники умерших подали на него в суд за надругательство, но многие сочли, что так лучше. Сам санитар объяснял это тем, что с его росписями умершие быстрее воскреснут. У суда не было единого мнения. Ведущий рубрики цитировал газетную статью под заголовком «Божий дар и некрофильская яичница», обещая посвятить этой теме отдельную передачу.

Следующий сюжет был из Ясной поляны. Молодая корреспондентка брала интервью у литературоведа, который сообщал о сенсационной находке, утверждая, что роман «Война и мир» был написан вовсе не Толстым, а французским офицером-артиллеристом, участвовавшим в Бородинском сражении. Офицер попал в плен и содержался в одной из усадеб Тульской губернии, где и начал писать этот роман, уже будучи хорошо знаком со светской жизнью, вероятно, через многочисленные романы с местными красавицами. После изгнания Наполеона француз вернулся на родину, но рукописи по каким-то причинам остались спрятанными на чердаке сеновала усадьбы. И вот на этом чердаке молодой Толстой, кувыркаясь с очередной пассией, обнаруживает тайник с рукописью романа. Он переделывает его и даёт своё название, впрочем, начало оставляет без изменений. Дальнейшая судьба французского офицера неизвестна. Возможно, он погиб при Ватерлоо. А сенсационной находкой литературовед называл письмо некой Натали Балконской, найденное в тайнике при реставрации одного из московских особняков. В письме Натали жалуется подруге на то, что у неё с Лёвой ничего не получилось. Граф нашёл какие-то записи на французском, тут же забыл о ней и убежал с сеновала. Сюжет заканчивается видеопланом чердака, где молодая корреспондентка, лёжа на сене, обнимает воображаемого офицера Толстого, произнося в камеру: «Возможно, вот на этом самом месте и зачинался знаменитый на весь мир роман».

В последнем сюжете Клаудия Шиффер делилась своими планами. Мой сосед-соотечественник, кивнув на неё, спросил:

– Хотел бы трахнуть?

Я внимательно взгляделся в топ-модель и поймал себя на мысли, что я не хочу Клаудии Шиффер. Странное дело, она не влекла меня. Я нашёл причины, вот они: Шиффер – шикарная кукла, Шиффер лицемерна и скупа, Шиффер – воплощение меркантильности и холодного расчёта, Шиффер... Шиффер – шифр – разгадай, открой и получишь пустоту, вот почему я не хочу Шиффер. Я сказал об этом соседу. А он сказал, что это от излишней духовности и что его другой сосед, славянофил, тоже считает Шиффер куклой, но он хотел бы её по той простой причине, что видел бы в этом овладении господство бесшабашного русского духа над прагматичной немчурой. А ещё один сосед – автослесарь, также считающий Шиффер куклой, хотел бы её просто так.

В передаче «Стон народа» поднималась тема затопления станции «Мир». В студии над зрителями висел большой плакат с фотографией станции и текстом под ней: «Мир» вам, земляне!». На другом плакате была изображена станция «Мир» – напудренная, намазанная кремами и губными помадами, а над иллюминаторами станции были нарисованы накладные ресницы, под иллюминаторами подведены тени. Вверху читалось: «Красота спасёт «Мир» – и название какой-то левой косметической фирмы, выступающей спонсором этой передачи.

Директор общественного фонда «Политиканство» предлагал сохранить станцию до следующих президентских выборов, используя её в рекламных целях. Станция будет разрисована портретами и воззваниями основного кандидата, а сам кандидат лично затопит станцию ручным управлением, катапультируясь незадолго до падения. Съёмки, сделанные с вертолётa, покажут спускающегося на парашюте кандидата с понурой головой. В его глазах должны быть слёзы.

Представитель военно-космических сил предлагал другое применение станции. Он видел в ней мощное космическое оружие. Если пустить станцию вразнос, утверждал генерал, то она перехерячит (так и сказал) все вражеские спутники, то есть все, кроме наших. Правда, перед этим наши спутники следует вывести на более высокую орбиту от греха подальше, а то и отпустить на время в открытый космос. В случае серьёзного конфликта станцией «Мир» можно сбивать «Шатлы» с таким расчётом, чтобы обломки станции и корабля поразили при этом ещё и наземные цели.

Один из «замов» министра финансов видел в станции возможность пополнения бюджета. Если внушить мировому сообществу, говорил он, что «Мир» опасен для землян, а средств на его поддержание нет, то таким образом можно вымогать деньги у Валютного фонда или у любого другого, если доказать, что, по расчётам, «Мир» упадёт к вашему дому.

Парень и девушка, сидящие в зале, сообщили, что они собираются пожениться и с удовольствием сыграли бы свадьбу на станции «Мир» и провели бы там медовый месяц. Они смеялись, наперебой рассказывая, как украсили бы «Мир» лентами и шарами и прибыли бы к нему в свадебном кортеже из грузовых «Прогрессов».

В конце передачи микрофон взял мрачноватый человек и серьёзным тоном, медленно произнося слова, сказал: «Ни у кого из вас ничего никогда не получится», – и предложил отдать «Мир» секте фаталистов «Конец Всему». На что ведущая Светлана возразила, что конец «Мира» – это ещё не конец Света и завершила передачу.

Стало тревожно-интересно. Шла информационно-аналитическая программа. Телевизор превращается в колбу. Она вскипает, светится, со дна встаёт гомункул. Он улыбается и говорит поставленным голосом диктора:

– Я там, где мозг мыслителя искусный
Мыслителя искусственно создаст.

Из колбы клубится голубоватый пар, распространяясь по комнате. Гомункул тоном прорицателя вещает о происходящем. Всё погружается в голубоватый сумрак. Колба взмывает

вверх и начинает носиться по комнате, освещая её яркими голубыми вспышками. Голос гомункула переходит в удары метронома:

– Скорей пошире ум раскинь,
Вас унесу в заоблачную синь.

Стекло сильно звенит и светится. В одно мгновение я и сосед меняемся местами с гомункулом. Тот пристально смотрит нам в глаза. Колба быстро вращается, подобно центрифуге. Всё это время гомункул не спускает глаз с наших зрачков, вращаясь с колбой. Из наших ушей лезет желеобразный мозг, налипая на стенки колбы. Гомункул смеётся и движением руки переворачивает колбу. Мы разлетаемся по разным углам комнаты. Сосед кричит и швыряет в колбу креслом. Кресло разбивает окно. Гомункул умолкает. Голубоватый дым засасывается в колбу, та снова становится телевизором. Тишина. Сквозняк. Пусто.

Как сказал мне один соотечественник: «Эпоха похоти и быт небытия».

Я вышел во двор и на ступеньках подъезда натолкнулся на того безногого нищего. Он спросил меня:

– Знаешь, куда делся Советский Союз?

– Как куда? Распался.

– А почему распался, знаешь?

– Известное дело.

– Мало кто обращает внимание на мелочи, а в них-то и суть. Советский Союз распался оттого, что разрушили консервные пирамиды.

– Какие пирамиды?

– Те, что каждый из нас видел раньше в витринах или на полках любого продмага. Консервные банки были любовно сложены в пирамиды. Никто не заставлял продавцов укладывать консервы именно в пирамиды. Не было такого указа ни в одном продторге. Но банки всё равно систематически укладывались в пирамиды. Вот в них и была заключена вся энергетическая мощь Советского Союза. От верхушки одной пирамиды к верхушке другой текла незримая энергия, которая и питала всю систему от Курил до Калининграда. Когда всходило солнце над Курилами, его лучи заряжали энергией верхнюю банку консервной пирамиды самого восточного из продуктовых магазинов. В это же время магнитное поле Земли воздействовало на основание консервной пирамиды. Возникал энергетический потенциал. И так во всех пирамидах – по мере прохождения светила над каждым продмагом Союза. Замечал ли ты, как продавщица продмага, взявшая консервную банку с вершины пирамиды, чтоб отдать покупателю, тут же клала на её место новую. Этот рефлекс, действующий на подсознательном уровне советского продавца, и был гарантом целостности пирамид, а значит, и всей советской системы. Если знать, как правильно истолковывать «Кодекс строителя коммунизма», то можно прочесть главное пророчество, предсказывающее, что Советский Союз распадётся с падением консервных пирамид. Вот откуда выражение «распад Союза» и вот что оно означает на самом деле. И когда при Горбачёве опустели полки продуктовых магазинов, то последними исчезали консервы. И только после этого Союз распался. Распался, но не исчез. То, что происходило в Беловежской пуще, можно назвать метаморфозой сложного образования. Всё произошло в сауне, где люди делившие СССР, отмечали праздник Передела. Когда Ельцин, Шушкевич и Кравчук собрались в парилке в белых простынях и плеснули на камни воду, то в образовавшемся облаке пара им явился ангел Наивысшего Разделения и произнёс: «Блажен слушающий слова пророчества сего и соблюдающий написанное в нём; ибо время близко. Я есмь начало и конец всякого разделения земного. Надлежит разделить вам Область, но не жезлом железным и не железом калёным – знаю дела ваши. Имеющий ухо да слышит. Делите Область, как записано в книге

Раздела: пусть части её новое небо и новую землю имеют, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали. Пусть жаждущий блага по-своему обрящет свой мир, и мир тот не пересечётся с другими мирами – ни мир демократа с миром коммуниста, ни мир либерала с миром монархиста, ни любой другой мир с другим каким бы то ни было. Пусть человек, выбранный всеми, будет для демократа – президент, для монархиста – царь, для коммуниста – генсек, и, говоря в каждом из миров, употребляйте слова, предполагая, что те, кто вас слушают, уже знают, что они означают, ибо всякое бытие в каждом из миров зависит от чего-либо ему предшествующего, а суть жизни в параллельных мирах и есть непрерывное бытие. Имеющий око узрит. (*Ангел поднял руку и невидимым лучом, исходящим из руки, выжгет на стене парилки фигуру в виде неправильного пятиугольника, слегка вытянутого с севера на юг.*) Вот знак – очертание одного из мест приложения сил Земных и Небесных и многих других, о коих вам знать не надобно. Бойтесь, если печать ваших деяний не совпадёт с сим знаком. А всего больше опасайтесь в годину искушения Зелёного одноглазого дракона с чёрной изнанкой, обольщающего всю Вселенную. Печать его к очертанию тому не приложится, а если сложить их вместе ценой обольщения и соблазна, то все миры параллельные враз исчезнут, а станет один мир, и в миру том славы вам не стяжать».

Так молвил ангел и растворился в облаке пара. Некоторое время слушающие ангела ещё слышали что-то похожее на шум крыльев и стояли перед облаком в белых простынях с дубовыми венками в руках своих. Но когда облако исчезло, переглянулись, плеснули на камни пива и переработали секретную директиву раздела Союза в тайную доктрину создания параллельных миров. Ангел же, когда начертил пятиугольник, имел в виду очертания Московского Кремля как главного энергетического центра России, Советского Союза и снова России. И даже когда Пётр перевёл столицу в Петербург, роль энергетического центра по-прежнему выполнял Московский Кремль. То, как планировали Кремль и располагали башни, говорит о том, что строители подсознательно чувствовали направление токов энергии. После освоения Сибири энергия большим потоком шла с востока, усиливаясь и передаваясь дальше через Демидовские заводы, чьи трубы, в сущности, также были пирамидами, концентрирующими положительную энергию. В обратную сторону происходил сброс отрицательной энергии вдоль Васильевского тракта в виде каторжных противотоков. Наконец энергетический поток подходил к Кремлю с востока, к стене, где находится сейчас Мавзолей. Это главная энергетическая приёмная стена Кремля. Не случайно мавзолей расположили именно там, где тела долго сохраняются. У этой стены три главных башни: Спасская, Никольская и угловая Арсенальная. Все они со звёздами. Остальные башни тоже входят в замкнутую энергетическую цепь, но башни со звёздами – главные башни, они – энергетические ускорители. Потоки энергии, входящие в приёмную стену Кремля, начинают движение по его периметру по часовой стрелке и, разгоняясь с помощью главных башен, создают мощное энергетическое поле, из которого и распределяется вся энергия по всем направлениям державы. Не случайно и то, что раньше на этих башнях помещались двуглавые орлы. Одна голова орла должна была следить за приходящими потоками энергии, двигающимися по периметру Кремля, а другая – за исходящими. Именно поэтому и был утверждён в своё время такой герб России. Когда Советы заменили орлов на звёзды, функции орлиных голов стали выполнять горизонтальные звёздные лучи. Со временем некоторые из людей догадались об истинном предназначении Кремля, и эти люди научились влиять на энергопотоки. Когда Наполеон занял Москву, то те немногие, распознавшие тайну, сумели перекрыть выход энергопотоков от Кремля. Кремль замкнул на себе огромный энергетический потенциал. Возникли перегрузка, перегрев и возгорание. Кремль запылал, за ним вся Москва. Эти люди создали касту посвящённых, последние из которых сгинули при Советах. Под Зелёным одноглазым драконом, обольщающим всю Вселенную, ангел подразумевал доллар, на котором изображена пирамида и глаз, а обратная сторона (изнанка) доллара чёрная. Долларовая пирамида имеет в основании правильный квадрат, который никак не может совместиться с непре-

вильным пятиугольником, не разрушив при этом параллельные миры. И тогда один мир так плотно входит в другой, что возникает образование «два в одном» или даже «три в одном». Обитатели одного мира пытаются вытеснить обитателей другого, вплоть до их физического устранения. Они поджигают чужеродный мир, но при этом сжигают и себя. Беда России, и в особенности – Советского Союза заключалась в том, что все возможные там образования были всегда «вещью в себе», где всякое знание постоянно ограничивалось в пользу веры. Именно этим кантовским утверждением и была обоснована вся жизненная структура России и Союза. Кант это знал, что и породило его учение о «вещи в себе». Кант вообще хорошо разбирался в России. Его даже можно назвать экспертом по структурному обустройству России. Это Кант предсказал, что Россия станет страной поэтов и воров, после чего провозгласил поэзию высшим видом искусства. Он недолюбливал русских, обвиняя их в том, что они сидят на богатстве, не зная как им распорядиться, но от самой России, от её величественной природы он был без ума. Эта страсть породила многие исторические катаклизмы, о причинах которых даже и не подозревают. Незадолго до смерти Кантом овладела маниакальная идея умереть в России и быть похороненным в её земле. Он почему-то был уверен, что почувствует тот момент, то есть время, когда нужно будет прибыть в империю. Но он умер раньше, даже не успев отразить свою волю в завещании. После смерти Канта его неуёмный дух будоражил всю Европу. Часто в снах он являлся ко многим людям, особенно поэтам, доказывая, что Россия – вещь в себе, и её бесполезно познавать. Так, на протяжении двух месяцев дух Канта измучивал в снах Тютчева, пока тот не изрёк своё знаменитое «умом Россию не понять». В начале двадцатого столетия дух Канта необычайно активизировался, имея цель любой ценой перенести кантовские останки в русскую землю. В результате и была затеяна Первая мировая война. Постоянно являясь во сне или в галлюцинациях Гавриле Принципу и Данилу Иличу, дух Канта подбил их создать организацию «Молодая Босния». Он же направлял их руку во время стрельбы в наследника австрийского престола. Началась Первая мировая, которая, по замыслу духа Канта, должна была кончиться победой России и отделением Кёнигсберга в пользу Российской империи. К тому всё и шло, но вмешались большевики со своей революцией. Следующую мировую войну дух Канта затевал сначала лишив разума Гитлера, который так и не понял, что при создании плана Барбаросса нужно учитывать кантову «вещь в себе», и стремился в Россию, как обезумевший фанатик величественных русских просторов. Затем кантовский дух непрерывно являлся в видениях Сталину. Сначала это были сновидения, после чего Сталин боялся спать по ночам, чем и объясняется его якобы любовь к ночным бдениям. Но дух Канта нашёл другой подход. Он являлся Сталину в табачном дыму, создавая из клубов дыма страшные картины европейской бойни, что необычайно захватывало Сталина. Лучше всего это получалось с табаком «Герцеговина Флор». После победы Кёнигсберг стал Калининградом, и могила Канта оказалась теперь в русской земле. Дух Канта угомонился, хотя последствия его проделок ещё долго отзывались в «холодной войне». Итак, Россия – вещь в себе, и вещь эта непознаваема, а потому знание как категория здесь всегда было бесполезным. Но то, что случилось при разделе Союза, можно назвать вторжением иной реальности с порождением ложного знания. Пока разделители Союза теряли время, безнадежно отдаляясь от тайной доктрины раздела, население Союза получило другую реальность и познало, что ничего не может быть реальнее денег. Зелёный дракон, искушающий всю Вселенную, опустился на Землю и разрушил «вещь в себе». Желаящих искуститься было больше, чем искусителей. Ложное знание породило уверенность, что квадрат основания пирамиды под глазом Зелёного дракона выправит неправильный пятиугольник Кремля, и со стороны запада потечёт новый, ещё более мощный поток энергии. Так возникли финансовые пирамиды, которые должны были заменить консервные. Но финансовые пирамиды имели основанием всё тот же квадрат, неспособный заменить традиционно круговое основание энергетических пирамид России, будь то трубы Демидовских заводов или круглые банки советских консервов. Иными словами, западные угольники не легли на Византийскую

вязь. Если в начале века Россия, используя потенциал круглых энергетических пирамид, завоевывала Европу рублём образца 1913 года, продвигая его с востока на запад, а Советы заливали ту же Европу нефтью, используя опять-таки круглые трубы видоизменённых энергетических пирамид, то разделители Союза двигали финансовые пирамиды с квадратным основанием с запада на восток, и их энергетические потоки упирались в западную часть Кремля, которая совершенно не предназначена для приёма энергии. Энергопотоки ударялись в Водовзводную и Боровицкую башни, рассеиваясь клином в воздушных массах России. Посвящённые называли этот клин «энергетической свиньёй». В итоге – пустая трата энергии. Вот чем мы платим за ложные знания. А теперь дай мне на пиво и хорошенько подумай, что ты делаешь в этой области, куда даже Геродот боялся соваться. А когда подумаешь и захочешь узнать больше, иди к морю – найдёшь Древнюю бухту и, когда солнце будет в зените, ударишь тридцать три раза камнем о камень – к тебе выплывет древний кит и кое-что расскажет. Прощай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.